ровесник

5
1978

ЗА СЧАСТЬЕ СВОБОДНОГО ТРУДА НА МИРНОЙ ПЛАНЕТЕ

ИЗ РЕЧИ ГЕНЕРАЛЬНОГО СЕКРЕТАРЯ ЦК КПСС, ПРЕДСЕДАТЕЛЯ ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР ТОВАРИЩА Л. И. БРЕЖНЕВА НА XVIII СЪЕЗДЕ ВЛКСМ

Товарищи! Советские люди, выросшие в братской семье народов, воспитанные на идеях марксизма-ленинизма, по самой своей природе интернационалисты. Интернационалистские традиции воплощаются сегодня в их делах, пожалуй, шире, многообразнее, чем когда-либо. И молодежь здесь, как и во многом другом, — в первых рядах.

Более чем в ста государствах мира трудятся ныне посланцы Ленинского комсомола. В социалистических странах Европы и на далекой Кубе, в горячих песках Сахары и в джунглях Юго-Восточной Азии, в Индии и на Арабском Востоке, в самых разных районах планеты тысячи сынов и дочерей нашей страны несут свою благородную вахту — строят заводы и электростанции, помогают открывать кладовые природы, лечат больных и учат детей. Нередко их труд — это настоящий, без шума и рекламы, бескорыстный, самоотверженный подвиг. Подвиг во имя мира и прогресса, во имя братства и дружбы народов. Подвиг, который еще больше поднимает авторитет нашей Родины, помогает понять правду о нашем социалистическом строе, о коммунистической морали и идеалах советских людей.

Скажем, товарищи, искреннее спасибо этим достойным представителям нашего народа. Они помогают претворять в жизнь миролюбивую ленинскую политику нашей партии, Советского государства, повседневно осуществляют тот интернационализм на деле, который так высоко ставил Владимир Ильич Ленин.

Пролетарский, социалистический интернационализм — это наша великая сила. Это — плод наших убеждений и горение наших сердец. Это — наше знамя. Будьте же всегда верны ему, дорогие друзья!

Товарищи! В солдатской шинели по фронтовым дорогам Великой Отечественной войны прошла молодость ваших отцов. Это был поистине «бой не ради славы, ради жизни на земле». Минули десятилетия. Сегодня уже более половины населения страны лишь по рассказам старших, из книг и кинофильмов знает, что такое война, ее тяготы и страдания. Но и теперь, в иных условиях продолжается бой за жизнь на земле. Обеспечить прочный, устойчивый мир—в этом цель нашей внешней политики, таких ее важнейших принципов, как мирное сосуществование, разрядка международной напряженности.

Разрядка сегодня — не теория, не лозунг, не благое пожелание. На ее счету немало добрых дел, вполне конкретных и осязаемых. В Европе она легла в основу взаимоотношений государств, охватила различные стороны их жизни. По-новому, более благоприятно для дела мира, выглядят теперь, несмотря на все конъюнктурные колебания, и советско-американские отношения. Путь разрядки признан и поддерживается народами как единственно разумный в наше трудное время.

Самое существенное, самое неотложное в наши дни — добиться дальнейшего ослабления военной опасности, остановить рост вооружений. Это ощущают все народы, признает большинство правительств. Об этом говорит и тот факт, что через несколько недель, впервые в истории, откроется сессия Генеральной Ассамблеи ООН, специально посвященная ограничению вооружений, разоружению. Мы желаем сессии успеха и будем активно этому способствовать.

Мы за всеобщее и полное разоружение. Не по нашей вине зашли в тупик уже почти двадцатилетние переговоры по этой проблеме. Однако за это время все же заключены соглашения об ограничении вооружений в некоторых областях. А по ряду вопросов переговоры продолжаются.

Уменьшить угрозу возникновения новой мировой войны, массового истребления людей с помощью ядерного оружия — вот центральное направление нашей борьбы за мир в современных условиях. В этих целях Советский Союз предпринимает ряд крупных акций. Одна из них — переговоры с Соединенными Штатами об ограничении стратегических наступательных вооружений.

В Москве, как вы знаете, только что побывал государственный секретарь США Вэнс, который прибыл по поручению президента Картера. Состоялся обстоятельный обмен мнениями. В итоге удалось несколько продвинуть вперед подготовку соглашения по ограничению стратегических вооружений. Далеко не все вопросы еще решены. С некоторыми позициями американской стороны мы никак не можем согласиться. Думаю, однако, что обоюдными усилиями можно на базе разумного, реалистического компромисса завершить выработку соглашения, которое будет справедливо учитывать интересы безопасности обеих держав. Это позволит заметно сдержать гонку вооружений, а значит, поможет укреплению мира.

Вот уже ряд лет Советский Союз добивается, чтобы было заключено соглашение о всеобщем и полном запрещении испытаний ядерного оружия. Сейчас мы ведем переговоры с США и Англией о запрещении испытаний во всех средах (то есть также и под землей). И можно с удовлетворением отметить, что на переговорах этих в последнее время есть определенное продвижение вперед. Хотелось бы надеяться, что дело будет доведено до конца и соответствующий договор будет подписан в недалеком будущем. Это будет заметный успех в борьбе за мир и безопасность людей.

Вместе с другими миролюбивыми силами нашей планеты Советский Союз прилагает активные усилия к тому, чтобы не допустить создания нового, особо антигуманного средства массового истребления — нейтронного оружия. Наша позиция в этом вопросе предельно проста и радикальна: пока не поздно, достигнуть соглашения соответствующих государств о взаимном отказе от производства этого оружия. И пусть человечество будет раз и навсегда избавлено от его появления.

РОВЕСНИК

Май, 1978 год, № 5

ЖУРНАЛ ИЗДАЕТСЯ С ИЮЛЯ 1962 ГОДА

ОБЩЕСТВЕННО - ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО - ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ ЦК ВЛКСМ И КОМИТЕТА МОЛОДЕЖНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ СССР

Соединенные Штаты, которые подготовились к созданию нейтронной бомбы, к сожалению, пока не согласились с нашим предложением. Но президент Картер заявил недавно, что принятие окончательного решения о начале производства нейтронного оружия им отложено. Это, конечно, не снимает вопроса, это в лучшем случае полумера. Однако я могу сообщить, что, учитывая такое заявление президента, мы также не будем приступать к производству нейтронного оружия, если этого не сделают Соединенные Штаты. Дальнейшее будет зависеть от Вашингтона...

В соответствии со своей принципиальной линией на уменьшение угрозы ядерной войны Советский Союз принял также решение в соответствующей форме присоединиться к международному договору о запрещении ядерного оружия в Латинской Америке. Тем самым мы, как и другие державы, обладающие ядерным оружием, возьмем на себя обязательство не способствовать приобщению латиноамериканских государств к ядерному оружию, а также не применять такого оружия в отношении государств — участников договора.

Так что, видите, товарищи: работа на пользу мира продолжается, и наша Родина предпринимает в этих целях все новые и новые усилия.

Мы будем стремиться к тому, чтобы и мой предстоящий вскоре визит в ФРГ также помог не только определить перспективы дальнейшего широкого взаимовыгодного сотрудничества наших двух стран (что уже само по себе важно), но и послужил бы делу укрепления разрядки и всеобщего мира, особенно в Европе.

За последнее время противники разрядки и разоружения в странах НАТО, все эти политиканствующие генералы и воинствующие политики, подняли и продолжают пропагандистскую шумиху, распространяя выдумки относительно якобы угрожающего военного перевеса государств Варшавского Договора над блоком НАТО в Европе, о каких-то агрессивных намерениях в Европе, приписываемых Советскому Союзу, и тому подобное. Конечно, все это чепуха. Но не безобидная чепуха, а зловредная, ибо она служит оправданием и прикрытием для действий по-настоящему опасных и потенциально агрессивных: для взвинчивания на новый уровень гонки вооружений, для наращивания военных сил, для насыщения международной атмосферы ядовитыми парами страха, подозрений и враждебности.

Никто больше Советского Союза, тяжелее всех пострадавшего от второй мировой войны, не хочет, чтобы мир в Европе никогда более не нарушался, чтобы она навсегда стала континентом прочного мира и мирного сотрудничества. И, пожалуй, ни одно государство не сделало для этого так много, как наша страна.

Вот уже несколько лет мы добиваемся на переговорах в Вене, чтобы уровень военных сил Запада и Востока в Европе был значительно снижен — без ущерба для безопасности какой-либо из сторон, но пока встречали в ответ лишь попытки Запада изменить соотношение сил в свою пользу. На днях, правда, западные страны внесли в Вене несколько обновленные предложения. В них кое в чем учитываются соображения социалистических государств, хотя общий отпечаток одностороннего подхода явно сохраняется. Что ж, будем работать дальше. Мы готовы сделать все от нас зависящее, чтобы найти взаимоприемлемые решения, чтобы ослабить военную напряженность в том районе мира, где она особенно велика и опасна.

Все должны знать, что Советский Союз не только не питает никаких агрессивных замыслов и не накапливает никаких «ударных кулаков» в Европе для действий против Запада, а, наоборот, делал и будет делать все, чтобы ослабить напряженность и содействовать договоренности. В отличие от стран НАТО мы уже давно не наращиваем свои вооруженные силы в Центральной Европе и не намерены, — хочу подчеркнуть это со всей силой, — не намерены и впредь увеличивать их ни на одного солдата, ни на один танк.

И мы призываем западные государства последовать этому доброму примеру.

Пытаясь извратить смысл и цели внешней политики Советского Союза, империалистическая пропаганда утверждает, будто есть какое-то противоречие между курсом нашей страны на разрядку, на мирное сосуществование и нашими отношениями с государствами, освободившимися от колониального гнета. Советскому Союзу и другим социалистическим странам пытаются приписать вмешательство в дела молодых государств. Договариваются даже до обвинений «в политике экспансии» и «нагнетания напряженности». Все это, конечно, сплошной вымысел, не имеющий ничего общего с действительностью.

Мы хотим развивать с этими странами дружественное сотрудничество на началах полного равноправия. Мы поддерживаем их независимость, их развитие по пути мира и социального прогресса. СССР неизменно выступает за строгое уважение суверенитета этих — как и всех других — государств, за невмешательство в их внутренние дела, за неприкосновенность их границ.

А вот империалистические державы — открыто или слегка замаскированно — постоянно вмешиваются в дела независимых освободившихся государств. Вмешиваются, чтобы препятствовать их прогрессивному развитию. Ущемляют их суверенитет, чтобы обеспечивать корыстные интересы своих монополий или планы своих военных стратегов.

Такое вмешательство, как правило, ведет к насилию и попранию прав народов. Это происходит либо во внутренней жизни соответствующих государств, как, например, в Чили, либо в форме открытой внешней агрессии, примером чему служат наглые действия правителей Израиля.

Факты говорят о том, что народы молодых государств тем успешнее защищают и отстаивают свою независимость, свои жизненные интересы, чем прочнее единство и солидарность этих государств, чем прочнее их дружба со странами социалистического мира, на поддержку которого они могут опереться в своем справедливом деле.

За примерами и здесь недалеко ходить. Именно благодаря солидарности прогрессивных сил удалось сорвать попытки империализма и его ставленников свергнуть народную власть в Анголе, расчленить революционную Эфиопию.

Мир, невмешательство во внутренние дела, уважение независимости и территориальной целостности, равноправие, взаимовыгодное сотрудничество — все это и есть необходимые и самые важные элементы разрядки и прочного мира. Такова наша политика в Европе, такова же она и в Африке, и в Азии, в Латинской Америке, во всех частях мира. И если кто-нибудь думает, что с помощью клеветнических выдумок и угроз Советский Союз можно сбить с этого курса, то он глубоко ошибается.

Товарищи! Анализируя обстановку в мире, мы приходим к твердому убеждению, что настало время подумать **о полном прекращении дальнейшего количественного и качественного роста вооружений и вооруженных сил государств, обладающих крупным военным потенциалом,** и тем создать условия для последующего их сокращения. Конкретно мы обращаемся с призывом обсудить программу осуществления в течение определенного ограниченного периода следующих мер:

— прекращение производства ядерного оружия во всех его видах;

— прекращение производства и запрещение всех других видов оружия массового уничтожения;

— прекращение создания новых видов обычных вооружений большой разрушительной силы;

— отказ от расширения армий и увеличения обычных вооружений держав — постоянных членов Совета Безопасности, а также стран, связанных с ними военными соглашениями.

Конечно, договориться о таких вещах — дело непростое. Наверное, начать можно было бы с какого-то одного угла, например, с прекращения производства ядерного оружия, как мы уже предлагали. А главное — вся задача облегчается тем, что осуществление этих шагов не нарушало бы соотношения сил, сложившегося сейчас между государствами. Никто не оказался бы в проигрыше.

Мы не можем, не имеем права забывать, что над миром еще висит угроза применения ядерного оружия, порождая у народов опасения за свою судьбу. Понятно, что для ее устранения нужны совместные усилия всех ядерных государств. Но каждое из них может и должно внести свой вклад. Советский Союз со своей стороны со всей определенностью заявляет: мы против применения ядерного оружия; только чрезвычайные обстоятельства, агрессия против нашей страны или ее союзников со стороны другой ядерной державы могут вынудить нас прибегнуть к этому крайнему средству самозащиты. Советский Союз делает и будет делать все, чтобы не допустить возникновения атомной войны, чтобы народы не становились жертвами атомных ударов — ни первого, ни последующих. Это — наша твердая линия, и мы будем в соответствии с ней действовать.

Сберечь нашу землю, передать ее молодому поколению во всем ее богатстве и красоте, не изуродованной пламенем ядерного пожара, — вот на что должны быть направлены, по нашему убеждению, помыслы человечества. Советский Союз делает для сохранения и упрочения мира все от него зависящее. И мы верим, дорогие юные друзья, что ваше будущее — это счастье свободного труда на мирной планете.

ОБЩЕСТВО — ЧЕЛОВЕКУ, ЧЕЛОВЕК — ОБЩЕСТВУ

Игорь ЩЕЛОКОВ,
заведующий Отделом ЦК ВЛКСМ

XVIII съезд ВЛКСМ дал глубокий анализ положения молодежи в социалистическом обществе. Работа съезда и его решения отражают впечатляющую картину того, как в условиях зрелого социализма раскрывается интеллектуальный и духовно-нравственный потенциал подрастающего поколения, молодой личности.

Лучшие мыслители человечества во все времена мечтали о таком обществе, которое поставило бы себе высшей целью свободное и гармоничное развитие всех и каждого. Первое такое общество утвердилось в 1917 году в нашей стране, а сейчас коллективный практический опыт уже целой семьи социалистических наций, разросшейся по трем континентам, подтверждает марксистский вывод о том, что подлинное царство свободы человеческого духа возникает лишь в результате переустройства общества на социалистических началах.

«В совершенствовании человека — смысл жизни» — писал М. Горький. И человек действительно совершенствуется на протяжении всей своей истории. Но в условиях существовавших до социализма формаций приобщению эксплуатируемой массы населения к знаниям и культурным ценностям своей эпохи мешал непреодолимый барьер. Этот барьер — частная собственность: на людей и средства производства при рабовладении и феодализме, на средства производства при капитализме. Недаром большинство умозрительных моделей общества, дающего полный простор развитию человека, которые создавались на протяжении истории самыми светлыми умами, не оставляли места для частной собственности, неизбежно порождающей эксплуатацию человека человеком.

Антагонистическое противоречие между общим профессиональным и культурным ростом трудящихся классов и частнокапиталистическими интересами предельно обострилось с вступлением современного мира в полосу научно-техниче-

Смотрите!

Будущие польские математики и будущий спортсмен из ГДР (верхние снимки); будущие румынские инженеры-строители и будущие болгарские художницы... Про всех этих ребят можно уверенно говорить: «будущие». Только бы у них самих достало желания, таланта, воли. Обо всем остальном позаботилось общество. Для всех них хватит места в школах, училищах и институтах, для всех найдется работа в соответствии с полученной специальностью. Как сказал поэт — твори, выдумывай, пробуй! Это право подрастающего поколения свято и безоговорочно при социализме.

Фото «На пшелай», «НБИ», Ю. Кривоносова, Г. Копосова

ской революции. Чрезвычайно усложнившееся и продолжающее усложняться оснащение производства, возрастающая роль науки заставляют капиталиста заботиться о повышении технической грамотности рабочего. Но подход к личности рабочего остается «товарным» — как к объекту приложения капитала. В результате свобода самовыражения и развития этой личности существует лишь постольку, поскольку совпадает с намерениями и планами капиталовкладчика. Последний же видит идеал в таком порядке, при котором люди столь же взаимозаменяемы, как и детали машин. Приведу на этот счет редкое по циничности откровение современного капиталиста, директора западногерманского концерна БАСФ Ганса-Альбрехта Бишоффа:

«В центре предприятия находится вовсе не человек, как того хотели бы неоромантики от социальной политики, а нечто совершенно другое: производство, деловой, промышленный успех. Люди являются только средствами, обслуживающими предприятие наряду с прочими средствами... Их следует рассматривать как запасные детали, которые надо заказать, изготовить, классифицировать, внести в каталог, пронумеровать. Существен именно номер, указывающий, каким образом можно использовать данную запчасть и какой другой ее заменить».

К. Маркс и Ф. Энгельс писали, что не каждый может быть Рафаэлем, но каждый, в ком есть способности Рафаэля, должен получить возможность их развивать. Их мечта стала явью только после победы Великого Октября. «Впервые после столетий труда на чужих, подневольной работы на эксплуататоров, — подчеркивал В. И. Ленин, — является возможность *работы на себя,* и притом работы, опирающейся на все завоевания новейшей техники и культуры».

Естественным следствием осознания трудящимися того факта, что при социализме они хозяева средств производства, становится социальная активность, заинтересованность в участии в управлении производством и общественными делами. Резкое возрастание значения субъективного фактора, то есть активного участия трудящихся масс в развитии общества, закономерно для социализма, особенно на его зрелом этапе. С подробным анализом этого аспекта отношений между личностью и социалистическим обществом в «Ровеснике» уже выступал чехословацкий философ Радован Рихта (№ 2, 1978). Я хотел бы лишь проиллюстрировать здесь конкретным примером, в чем выражается одна из важных черт личности при социализме. Социологи называют эту черту «чувством хозяина».

Изучение трудовой активности на предприятиях текстильной промышленности в Московской области показало, что 73,9 процента опрошенных трудятся с желанием добиваться лучших результатов в труде; 16,2 процента заявили, что такое желание есть, хотя и не всегда, и лишь 2,7 процента ответили, что такого желания у них нет. Отвечая далее на вопрос «Что, по вашему мнению, побуждает рабочих хорошо трудиться?», 77,2 процента текстильщиков указали: «Желание принести больше пользы обществу», 75,9 процента — «Ответственность перед коллективом», 73,2 — «Рабочая гордость».

О высокой степени развития чувства хозяина социалистического производства в рабочем классе нашей страны и братских стран социализма можно судить по размаху социалистического соревнования и его высшей формы — движения за социалистическое и коммунистическое отношение к труду.

Поскольку сознательное участие масс в управлении всеми делами общества превращается при социализме в неотъемлемую потребность, в движущий стимул прогресса, постольку социализм объективно заинтересован в свободном выявлении индивидуальных способностей, инициативности всех людей. В сущности, речь идет о нахождении гармонического сочетания интересов и прав каждого человека с интересами и правами коллектива, общества, государства. «Это, возможно, одна из самых сложных задач, — писал Генеральный секретарь ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР товарищ Л. И. Брежнев в предисловии к сборнику его речей и выступлений, вышедшему во Франции в конце 1976 года. — Мы хотим решить ее, строя коммунистическое общество, такое общество, в котором каждый человек с наибольшей полнотой и пользой (для себя и других) смог бы раскрыть себя, проявив все доброе, заложенное в нем природой».

Для молодежи социализм распахнул двери к знаниям, труду и творчеству. Она не знает эксплуатации, ее духовные запросы, личная жизнь, ее специфические возрастные интересы поощряются государством и обществом. Ее положение в обществе определяется не классовой, расовой или национальной принадлежностью, как это и поныне происходит в капиталистических странах, а отношением к труду, к учебе, к обязанностям перед народом. «Наше общество — общество самых широких возможностей для юношества», — говорил Леонид Ильич Брежнев на XV съезде ВЛКСМ. Эти же слова может с полным основанием сказать о своем государстве молодой гражданин любой из стран социалистического содружества.

Однако, хотя предпосылки для всестороннего гармоничного развития молодого поколения заложены в самой природе социалистического общества, реализуются они, как показывает практика, благодаря опирающейся на марксистско-ленинский научный подход, целеустремленной созидательной политике коммунистических и рабочих партий.

Забота о молодежи, ее образовательном, профессиональном, общекультурном росте всегда была и остается в центре внимания Коммунистической партии Советского Союза, братских коммунистических и рабочих партий. Вера в творческие силы молодого поколения, убежденность в том, что молодежь с честью выполнит свой долг перед социалистической Родиной, — таковы определяющие черты отношения партий социалистических стран к своему юношеству.

Вот слова из доклада на VI съезде Польской объединенной рабочей партии Первого секретаря ЦК ПОРП товарища Эдварда Герека: «Мы говорим молодому поколению: мы — ваша партия, мы строим Польшу для вас, но и вместе с вами. Мы хотим, чтобы вы готовились принять ответственность за родину, разделяя вместе с нами эту ответственность уже сейчас».

VIII съезд Социалистической единой партии Германии расценил как важнейшую задачу Союза свободной немецкой молодежи «воспитание из молодых людей классово сознательных социалистов, которые работают, учатся и живут по-социалистически». Постановление ЦК Румынской коммунистической партии нацеливает Румынский коммунистический союз молодежи на то, чтобы прививать юношам и девушкам любовь к труду и учебе, на неуклонное повышение ее политического и идеологического уровня.

Свою опору, резерв, верного помощника коммунисты видят в союзах молодежи. Это высокое доверие 37-миллионный. Ленинский комсомол и братские союзы молодежи, насчитывающие свыше 20 миллионов юношей и девушек, оправдывают своей неутомимой деятельностью во всех сферах общественной жизни — экономической, политической, идеологической.

Общая перспектива — формирование человека, отвечающего идеалам социалистического и коммунистического общества, — уже приводит к зримым результатам. В облике лучших молодых современников из стран социализма мы находим много общих черт, стержневых для личности социалистического типа: идейную убежденность, патриотизм и интернационализм, коммунистическую нравственность и гражданскую ответственность, творческое отношение к труду и социальную активность.

Примечательно, что прогрессивная молодежь из несоциалистического мира выделяет именно названные выше качества как самые характерные, типичные в обобщенном портрете молодого человека социалистической страны. Сошлюсь хотя бы на мнения отвечавших на анкету «Ровесника» — «Истоки авторитета Ленинского комсомола», опубликованную в предыдущем номере журнала.

В совместных делах — социалистическом соревновании, строительстве ударных объектов, теоретических семинарах — у молодежи братских стран формируется та общность миропонимания, мироотношения, которая уже входит в научный обиход как «интеграционный образ мышления». В это понятие можно вложить и такую черту, как отождествление молодежью той или иной страны своих достижений с достижениями всего социалистического содружества. «Все больше и больше молодых людей нашей страны, — говорил, например, первый секретарь Центрального Совета Союза свободной немецкой молодежи Эгон Кренц, — рассматривают свою деятельность как укрепление и защиту социалистического отечества и одновременно как вклад в дело укрепления всего социалистического содружества, сплоченного вокруг Советского Союза, в общую борьбу против империализма».

Тесное сотрудничество социалистических наций, молодежи стало органической частью нашей жизни. Полным ходом идет осуществление Согласованного плана многосторонних интеграционных мероприятий на 1976—1980 годы. Молодежь братских социалистических стран накопила уже богатый опыт совместного труда на крупных объектах — таких, как строительство Усть-Илимского лесопромышленного комплекса, газопровода Оренбург — Западная граница СССР, ТЭЦ «Тушимице-2» в Чехословакии, Кремиковского металлургического

комбината в Болгарии, комбината «Гута — Катовице» в Польше, горно-обогатительного комбината «Эрдэнэт» в Монголии, железной дороги «Единство» во Вьетнаме и многих других.

При этом, как отмечает член Политбюро ЦК ВСРП, председатель Государственного планового управления ВНР товарищ И. Хусар, «...интеграционные процессы уже вышли за рамки экономики в ее узком понимании и, порождая все больше общих элементов и черт в основных сферах общества, глубоко проникают в жизнь народов наших стран, оказывают существенное воздействие на их образ мышления... Создавая целостную систему непосредственных связей, они ведут к такому уровню осознания миллионами трудящихся единства наших принципов и целей, формируют в них такой образ мышления, который способствует укреплению уз братской дружбы между нашими народами и странами, пробуждает чувство воодушевления от совместной работы».

Формирование общей для стран социалистического содружества «модели» личности — процесс обоюдный: общество предоставляет все новые права молодому поколению, расширяет поле деятельности его марксистско-ленинского авангарда; молодежь и ее организации, со своей стороны, воздействуют на все стороны деятельности государственных институтов, общества в целом.

«Живое, непосредственное общение десятков, сотен тысяч людей, строителей социализма и коммунизма, — говорит товарищ Л. И. Брежнев, — стало для нас обычным делом. Но... в этой кажущейся обыденности скрыт глубокий исторический смысл: так закладывается фундамент будущего всемирного братства народов».

В ежедневной действительности мы постоянно сталкиваемся с этой «кажущейся обыденностью».

В дни польско-советской дружбы прошлой осенью комсомольско-молодежная бригада шахты имени Латугина в городе Торезе пригласила своих польских гостей, трех горняков из Катовицкого воеводства, спуститься в шахту, чтобы сообща выдать на-гора «юбилейную», миллионную с начала года тонну донбасского угля.

Еще штрих. По примеру Ленинского комсомола многие рабочие бригады в ГДР и Болгарии зачислили в свои коллективы в качестве почетного члена борца антифашистского Сопротивления или погибшего героя Советской Армии и выполняют за него производственную норму.

Рабочие Чепельского металлургического и машиностроительного комбината в Венгрии, машиностроительного завода имени чехословацко-советской дружбы в городе Поличка (ЧССР) и трудовые коллективы в других социалистических странах провели соревнование в честь 60-летия Великого Октября.

Молодые корабелы из Гданьска и Щецина шефствуют над строительством судов, экспортируемых в СССР.

Идет совещание бригадиров молодежных бригад в Карл-Маркс-Штадте (ГДР). Горняки с Висмута обсуждают задачи, которые встали перед ними после IX съезда СЕПГ. По некоторым пунктам договорились сразу. Например, трудиться один месяц в год на сэкономленном сырье, как они начали еще до съезда. Но одно предложение вызвало спор — о том, чтобы на подземных выработках ввести самоконтроль качества работы по примеру ребят с Московского автозавода имени Ленинского комсомола. От оценки качества работы зависит заработок. Легко ли наказывать самого себя? Но спор решился в пользу принятия предложения.

Когда мы говорим, что социализм предоставляет молодому человеку все условия для самосовершенствования, для его становления как интеллектуально, духовно и физически развитой индивидуальности, мы в первую очередь думаем о материальных и социальных предпосылках. Социалистическое государство, признавая права молодежи на образование, на труд, на отдых, на культурный досуг и охрану здоровья, приглашает ее (более того — стимулирует) учиться — без всякой оплаты, предлагает (и настойчиво) рабочие места, предоставляет в бесплатное пользование книги, учебные принадлежности, спортивный инвентарь, стадионы, бассейны, выдает путевки по льготным ценам, а то и бесплатно, и т. д. и т. п. Все эти права и гарантии закреплены в конституциях социалистических государств и служат, кстати, предметом вполне естественной зависти со стороны молодежи капиталистических стран, в том числе самых «благоденствующих». Социалистическое общество всячески поощряет участие молодежи и ее общественно-политических организаций в управлении не только хозяйственными, но и государственными делами. В местных и центральных органах власти стран социалистического содружества от 25 до 40 процентов — молодые депутаты.

Народные депутаты у нас в стране участвуют в работе постоянных комиссий и депутатских групп и особенно активно — в постоянных комиссиях по делам молодежи. Народный депутат имеет право обращаться во все государственные органы и учреждения, и никто не смеет усомниться в его полномочиях на том основании, что он еще молод. ВЛКСМ имеет право выдвижения кандидатов в депутаты.

Широкими правами пользуется молодое поколение в братских странах.

В Венгерской Народной Республике в 1971 году был принят Закон о молодежи — свод правовых норм, определяющих роль молодого поколения в обществе, его права и обязанности. В соответствии с этим законом в жизни венгерского общества утвердилось регулярное проведение так называемых молодежных парламентов — общих собраний различных категорий молодежи совместно с государственными и хозяйственными органами на уровне предприятий, городов, областей и всевенгерских — на уровне 29 отраслевых министерств — по актуальным вопросам труда, учебы, быта и воспитания молодежи. Впервые эти парламенты прошли в 1974 году, а во второй раз — с сентября 1976-го по февраль 1977 года.

В Германской Демократической Республике, подобно ВНР, тоже есть специальный Закон о молодежи. Процитирую только один параграф, характерный для стиля и содержания всего закона: «§ 16 (1). Местным народным представительствам, руководящим государственным и хозяйственным органам, администрации и правлениям **вменяется в обязанность** (подчеркнуто мной. — И. Щ.) создавать в соответствии с общественными потребностями и растущей тягой молодежи к знаниям все условия для непрерывного повышения ее квалификации...»

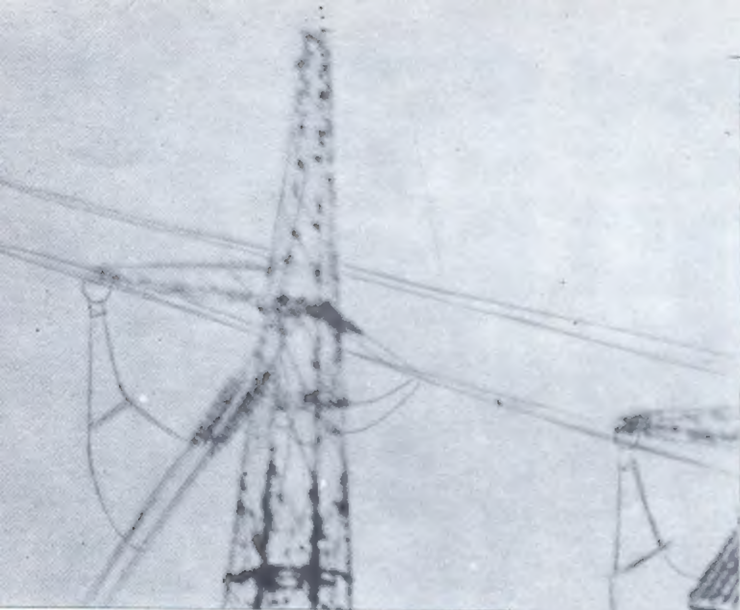
Можно ли представить себе подобное категоричное законодательное предписание всем властям и предпринимателям, скажем, в ФРГ, где сотни тысяч юношей и девушек вообще не имеют работы?

В общественной жизни никакие закономерности не реализуются сами по себе, помимо деятельности людей. Так обстоит дело и с развитием личности молодого человека в социалистическом обществе. Чтобы молодежь с наибольшей пользой для себя и для общества реализовала те возможности, которые ей предоставляются, необходим комплексный подход к идейно-воспитательной работе, что и было особо подчеркнуто на XVIII съезде ВЛКСМ. Задачу тесного соединения коммунистического воспитания, образования, профессиональной ориентации молодежи и подростков решают и наши братские союзы. Эта общая задача составляет основу тесного интернационального взаимодействия союзов молодежи братских стран.

Важнейшим направлением их деятельности является обмен опытом коммунистического воспитания. Идеологическое сотрудничество, взаимное обогащение опытом осуществляются в самых различных формах. Двусторонние и многосторонние совещания и консультации, обмен печатной продукцией, семинары, симпозиумы, личные контакты и переписка, специализированный молодежный туризм... Практика связей молодежи социалистических стран чрезвычайно разнообразна. Самой жизнью был подсказан ряд известных молодежных починов в ознаменование 60-летия Великого Октября. Уже поступают сообщения о трудовых и общественно-политических инициативах братских отрядов молодежи в честь 60-летнего юбилея Ленинского комсомола. Советских комсомольцев, всю нашу молодежь глубоко трогает это бескорыстное внимание друзей, продиктованное их уважением и любовью к первой стране социализма.

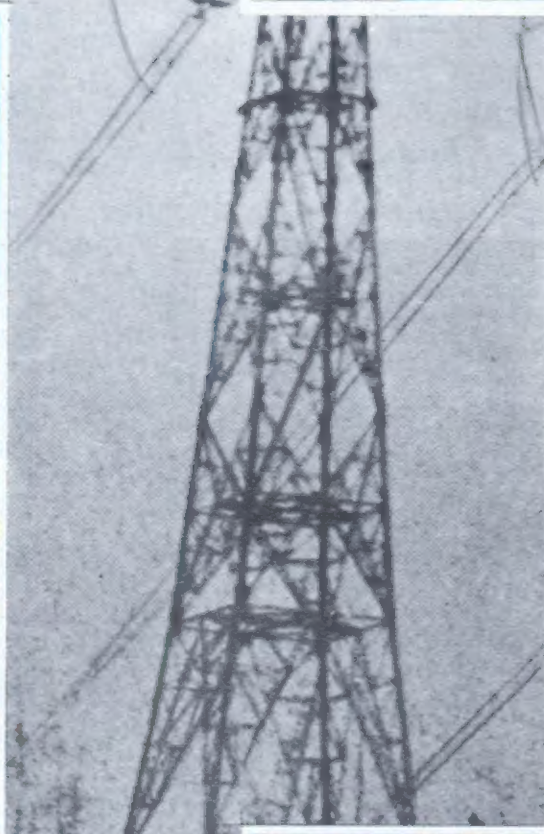
Наша совместная, все расширяющаяся работа во всех сферах общественной жизни социалистического содружества — идеологической, политической, хозяйственно-экономической, культурной — не самоцель. Она, как было сказано выше, обусловлена самим процессом сближения, интеграции социалистических наций и служит в конечном счете все той же высшей задаче социализма — формированию новой личности, обладающей марксистско-ленинским мировоззрением, гармонично сочетающей в себе профессиональную эрудированность, высокие духовные запросы и физическое развитие.

О том, что эта цель реальна, говорит тот факт, что уже целый ряд братских стран вступил в полосу построения развитого социалистического общества. Поэтому для всего социалистического содружества актуально звучат слова, сказанные товарищем Л. И. Брежневым: «Все, что уже сделано в нашей стране для подъема жизненного уровня и культуры советских людей, для расцвета науки и просвещения, литературы и искусства, подтверждает ту простую истину, что главная цель социализма — благо человека, его всестороннее развитие. Теперь мы вышли на рубежи, с которых можем ускорить свое движение к этой цели, ставить и решать более крупные задачи».

Ю. СТЕПАНОВ,
Г. МАЛАХОВ (фото),
наши спец. корр.

КАРНАВАЛ В ТАЙГЕ

Есть общие планы и общие детальные выкладки, цифрами доказывающие обоснованность и выгоду совместного строительства. Короче, есть интеграционная политика стран СЭВ, помогающая ускорить экономическое развитие каждого социалистического государства и общее развитие нашего содружества. Примеров подобного сотрудничества множество, и о некоторых журнал «Ровесник» рассказывал. В том числе и о такой крупной стройке, как лесопромышленный комплекс в Усть-Илиме, в котором, кроме Советского Союза принимают участие Болгария, Венгрия, ГДР, а также Румыния и Польша (см. «Ровесник», № 4, 1974; № 6, 1976; № 4, 1977).

Но не все, однако, учитывают детальные планы, потому что стройки эти, как общее дело народов-братьев, приносят не только экономический, но и социальный эффект, не только материальный, но и духовный результат. О человеческом взаимопроникновении, о человеческом взаимообогащении и идет речь в этом очерке.

„Что такое год жизни здесь? — говорил он с задумчивостью. — Скажем, одна семидесятая всей жизни... Но в молодости время сжато. Год юности — это не год, куда больше. А условия здесь — все — природа, вся необычность, сознание, что, уехав отсюда, ты уже никогда сюда не вернешься. И вот уж опять это не год. А если учесть, что многие здесь работают не по году — больше... Так сколько же выходит?»

Так говорил мне в Усть-Илиме мой старый знакомый — заместитель командира болгарских шоферов Виктор Простов.

Перед этим он рассказывал, что сегодня в детском саду было собрание отцов, только отцов. Им говорили о том, какими следует быть в семье. Виктору, человеку и впрямь мягкому, заведующая сделала замечание: его четырехлетняя дочь сказала в садике, что «папа — шляпа». По мнению заведующей, это было ошеломляющей гру-

бостью, и если так говорила девочка, то, стало быть, это позволила себе сказать мама, и все это подрывало авторитет отца в семье.

Мама сидела тут же. Я был у них в гостях.

— Да я и не знала, что такое существует в русском... От Буби только и услыхала, — смутилась она.

А тоненькая Вуби, которой уже не надо было сердиться из-за того, что ее никто не понимает в садике, как это было поначалу, еще раз и с удовольствием сказала: «Папа — шляпа».

Потом мы рассуждали с Виктором о болгарах: почему и зачем они здесь. «У нас нет леса, — говорил он. — С промышленной точки зрения нет совсем. Начни мы рубить, и у нас не останется даже тени. Конечно, это мое личное мнение, но отдать человеку то, чего, точно знаешь, у него нет, наверное, это и есть высшее благородство. Вот еще поэтому мы здесь».

Сам Виктор вполне мог считать себя здешним старожилом, а так как собирался жить в Усть-Илиме еще два года («уж целлюлозы дождусь обязательно»), то его собственное рассуждение о том, что такое для иностранца год жизни в тайге, касалось его лишь в той степени, что все происходящее измерялось и оценивалось им совсем не временем, а лишь происходившим в нем. Так, собственно, должно было происходить и происходило со всеми. Время, течение его было заметно только на самой стройке. Она одна не могла существовать вне сроков — графиков, планов, кварталов, люди же, естественно, чувствуя время, жили не им, а друг другом. «Усть-Илимская правда» писала в тот день, что «впервые социалистическое соревнование — «Рабочая эстафета» — вышло за пределы нашей страны — рабочие ГДР завершили заказ сибиряков и отправили 40 тысяч тонн металлоконструкций». «Стройка на Ангаре вступила в предпусковой этап», — напоминала она. Уже шло «соревнование за право варки первой целлюлозы. И в этом движении, — писала газета, — активно участвуют молодые посланцы социалистических стран».

Бородатый Ласло — инженер по деревообработке, с которым мы бродили по стройке, сам с удивлением глядел на цветные громады смонтированных конструкций. Целесообразность их сочетаний следовало предполагать, но увидеть... «Не могу представить человека, — говорил он, — который бы все это знал. Да и нет такого, не может быть. Такого, чтобы один».

Газеты — иркутские, братские — продолжали напоминать о сроках, о времени, а между тем в этом времени — внутри его — происходило и другое — постепенное и едва ли не столь же значительное, чем сама стройка. Люди, делавшие ее, искали друг друга и находили, встречались и расставались, то есть все то же — простое и одновременно страшно сложное — они жили, и жили вместе.

Недаром, зная и чувствуя это, Виктор и предложил мне «просто походить по этажам общежития», чтобы к вечеру того же дня попасть на карнавал.

Я и ходил и попал.

...Какой-то невидимый устроитель, похоже, ощущал этот день как последний в своей жизни. Кроме обыкновенного течения событий, существующего для всякого человека, течения, которого ему чаще всего достаточно, в дне этом, наплывая друг на друга, передавая друг другу людей и отнимая их друг у друга, происходило уж слишком многое. В кафе по соседству с общежитием — сорок метров по тридцатиградусному морозу — благоухал запахами вечер венгерской кухни. Билеты распределяли заранее, но, кажется, это мало беспокоило толпящихся на морозе у входа, их решимость попасть за столик не охлаждалась. А в добром километре отсюда — все по тому же морозу — шли международные, как их называли, и это было недалеко от истины, соревнования. Там, в спортивном зале, играли в мини-футбол и состязались в прыжках в длину интернациональные команды. К венграм же — это происходило в баре общежития — приехали земляки-студенты, которые учились в московских институтах и из своего московского далека полагали, что их соотечественникам тут одиноко, но теперь непонятно было, кто там кого веселил. Однако было действительно весело.

В это же время на одном из этажей проходил конкурс песни, и он был интернациональным.

К тому же на завтрашнее утро у болгарских шоферов был намечен техосмотр, а так как собиралось под сотню машин, и все они после техосмотра были готовы к работе, и никому не хотелось, чтобы эта готовность пропала зря, то многие из строителей завтра, в свой выходной, согласились работать.

Но карнавал шел своим чередом. Ему следовало продолжаться до двух часов ночи, он так и продолжался. Единственно, что взрослые люди, похоже, не могут веселиться столько часов кряду — сколько же можно? Нет, после работы — все-таки о работе. Или уж, по меньшей мере, о жизни. И вот уже неприметно люди собираются совсем не карнавальными группками, и разговор их совсем не карнавален.

Вольфганг (комиссар отряда): Мне иногда приходит в голову: вот, думаю, поймал наконец, нашел, с чем мы уедем отсюда... И снова теряюсь: нет, не могу, не поймал еще.

Мы приехали сюда последними. И болгары и венгры давно уж работали, а люди небеспредельны даже в своих привязанностях. Поэтому поначалу казалось, что нам не хватает теплоты, мы даже стали ревновать...

(У Вольфа чистое московское произношение. Два года назад он окончил Московский архитектурный институт. Дипломом был проект олимпийской застройки нагатинской поймы, и теперь его тянуло в Москву на эту пойму, которую он излазил вдоль и поперек. Судьба проекта не так уж волновала его — он знал цену студенческим работам. Но «пойма-то немного моя», — настаивал он. Застроить ее, по его мнению, было несложно, потому что это совсем чистое место. Проблемы для него как архитектора начинались там, где уже жила старина, они ждали его в маленьких немецких городках, которые, как убежден был он, так нравятся туристам и так неудобны для их жителей.)

Я вам задолжал во всем, — говорил он, объясняя, почему оказался в Сибири. — Чисто по-человечески. Учился бесплатно; и потом — люди... я узнал их столько, не перечислить. Попав в институт, я решил вглядеться в себя, проверить все свои черты, даже самые дурацкие. Те, которые и мне-то надоели, опостылели... И у меня родилась шалая мысль: попробовать стать совсем своим среди своих, среди вас. Вначале думал, это блажь, баловство, и вдруг понял: а ведь можно.

— А сто́ит? — спросил я.

— Стоит... Похоже, мы тут учимся простоте, — рассуждал он. — Не только ей, но и ей тоже. Меня самого интересуют тонкости взаимопроникновения, но это действительно тонкости. Вот, например, была у нас поездка на Байкал. Едем на три дня, дорога оплачена, и с носа всего по двадцатке. Тут и еда и жилье — все тут, и все очень точно. И вдруг в самый последний момент нам предлагают побывать еще и в Братске. Погода отличная — чего не заехать... Там нас ждут в молодежном кафе, у нас небольшой ансамбль, и все опять договорено. Но кое-кто из наших вроде как заупрямился. Я даже сразу и не сообразил, что случилось. Потом дошло. Пустяк! Только и всего, что мы не можем быстро перестраивать-

ся, импровизация отпугивает нас — даже минимальная, даже выгодная. Она непривычна — и в этом все! Так некоторые и не поехали. В Сибирь поехать не испугались, а тут вдруг заело... Потом-то они завидовали. Но это когда мы вернулись. И вот эта зависть, как та ревность к отношениям между болгарами и венграми, сделала свое дело. Теперь-то уж они поедут. Взаимопроникновение-то происходит... И еще фон здешний — вот что много значит. Например, болгарам мы обязаны многим — даже по работе. Они шоферы, у них машины, а концы здесь огромные. И вот они возят нас, и это совершенно добровольно, чисто по-дружески. Им ничего от нас не нужно, нам даже нечем им отплатить. И тогда остается один-единственный способ заплатить по этому счету — только человеческими отношениями. Это интересно и тревожно: чувствовать все время такую обязанность. А на ней тут все переплетено, на этой человечности. Взять одно, а заплатить другим, получить от одного, а отдать совсем другому — это невозможный для европейца вариант. Чисто русский. Он и нравится мне. Чем? Между прочим, еще и тем, что в нем нет судьи, кроме тебя самого, в нем все на доверии — никто же, кроме тебя самого, не спросит у тебя, а вернул ли ты то, что взял у одного и отдал совершенно другому. И отдал ли? И выходит, если ты сам нравствен или стремишься к этому, то ты и богат, и богаче с каждым днем. Так это же черт знает что, невероятно! Тут беспредельность есть.

Карнавал то угасал, то разгорался вновь, и все новые и новые люди приходили, уже и без карнавальных костюмов, но это было даже незаметно.

Ференц (бригадир штукатуров): И мы ходили по Усть-Илиму и помнили, что мы венгры, — все так непохоже.

— А теперь?

— Нет.

— Но ведь не стало похоже...

— Может, немного забыли дом, — смеется он. — Да нет, конечно. Вряд ли. Просто есть дело, и его надо сделать. Да это и выгодно для всех нас. Не надо быть болгарином, немцем, русским — мастером надо быть. Нам один человек лекцию читал — русский, кстати, так он сказал: если комбинат начнет работать хотя бы на один день раньше, всего на один, то... Он сумму называл, не помню я. Какая-то огромная сумма экономии, невероятная — миллионы... И это всего один день. Каждому чуть постараться — и миллионы наши. Представить трудно. Я не могу. Кстати, мы тут не так уж много получаем. Комсомольская стройка, так и должно быть, наверное. Но я сюда вернусь. Пройдет года три-четыре — и я приеду, обязательно! Хочу посмотреть, что здесь будет. Точно приеду!

Я еще сюда собирался, а мать говорит: «Ни за что! Хватит, — говорит, — отец там был...» Отец, правда, тут был. Не точно здесь, в Сибири. Пленным был — с сорок первого по сорок пятый. Мать говорит, а отец слушал-слушал: «Пускай, — говорит, — едет, надо там побывать: тебе, мать, не понять, ты за него, как клуша — за сына, а Сибирь — это другая планета. Чего тебе объяснять, я б сам туда поехал сейчас, посмотрел».

Я приехал — действительно так — другая. И мне теперь страшно интересно, что здесь будет дальше, каким будет этот город, комбинат... Да ни на какие деньги не посмотрю теперь, все равно приеду. Точно приеду.

Одно чудно, если честно... От каких же странных вещей зависит жизнь! Не поддержи меня отец, и я, наверно, не приехал бы сюда, и не знал бы, и не видел — пустяк бы какой-то знал, самую, может быть, малость...

Михаил Шильницкий (повар): (Он только что приготовил сто шестьдесят блюд — на вечере венгерской кухни.)

— Больше не выдержал, сбежал. Да больше вроде и не нужно было.

Уходя, постоял на темной лестнице — посетители уже расходились, его не узнавали, хотя только что приходили к нему на кухню благодарить. Он-то знал цену таким приходам, теперь он слушал. Это было нескромно, но он слушал — ему нравилось, что он сделал сегодня, и он знал, что, уходя, люди говорят друг другу, что на самом деле думают. И еще он знал, что вечер с вечером несравнимы, как несравнимы кухня с кухней. «Недаром, — говорил он, — спортсмены всегда берут в другую страну своего повара».

Здесь, в разговорах, венгерскую кухню сравнивали с французской, но он был уверен, что дело всего лишь в привычке. Тут, на кухне, русские знали из приправ практически только лавровый лист, лук, чеснок, еще перец — красный и черный — вот, пожалуй, и все. Венгерские же блюда готовились куда более пряными и острыми, многие из них были жирными, и к ним нужна была привычка. Здесь, например, пили много чая. Вначале Михаил не понимал почему, однако, не заметив, свыкся с этим и теперь по утрам пил лишь чай. Есть обычно не успевал. Но и вообще после еды он стал теперь пить чай, холод делал свое дело. Даже приезжая домой, он удивлял теперь мать, чай пить ему нравилось. И мать, и три сестры, и дядя были поварами. Еще нравилось ему, как тут готовили холодные блюда. «В Венгрии холодных закусок едят мало, а есть их хорошо — желудок успокаивается». Еще ему нравилось, как тут сервируют стол. «По вечерам — без искусственного света, со свечами, и ставят ветку елки... Дома мой друг работает в ресторане — все просил написать, что здесь особенного в еде. Я послал ему рецепт борща и винегрета. Теперь в Будапеште он два раза в неделю делает то и другое. Так в меню и написано: борщ и винегрет — только нашими буквами».

В рабочей столовой он готовил еду человек на триста. Точней сказать было трудно — в столовой обедали в основном венгры. «Но сейчас уже ходят много русских. Стоят в очереди, ждут — выходит, нравится им у нас... А вообще, русские очень нетерпеливы. Сколько раз я видел такой обед: три салата, чай, стакан сметаны — все. И он сыт. Не знаю, как после такого обеда можно работать бетонщиком или шофером. Венгр должен съесть свой суп — это непременно. Он хоть час будет стоять, а пообедает традиционно и все, что положено, съест... Я, кстати, и не знаю, такой ли уж я венгр — только мама венгерка, отец поляк».

Он мечтал приготовить здесь какие-нибудь немецкие блюда. В немецком отряде своих поваров не случилось, но у Михаила был среди них друг Юрген, плотник. «Принес он мне поваренную книгу — свою, немецкую. Бились мы, бились с ним — не смогли перевести. Незнакомое блюдо нельзя готовить приблизительно. На что у меня большой словарь, а мы там из приправ только корицу нашли...»

Музыка вдруг оборвалась. Начался аукцион.

Происходило нечто странное... Обыкновенный грецкий орех с десяти копеек на глазах поднимался в цене до двух рублей, сигареты — простая пачка (какой-то подвох был, что ли!), стоили уже восемь рублей... «Кто больше?» — «Восемь с половиной». — «Девять!» — «Девять — раз... Девять — два...»

Со знакомым уже плотником мы говорили в это время о дереве. Его интересовала здешняя резьба по дереву — дома он занимался реставрацией деревянной старины и собирался вернуться к этому.

— В Падуне, под Братском, есть ресторан, — рассказывал он. — Весь из дерева. И там резьба — вся из прямых линий, очень мужественная... У нас больше округлостей, нежности.

Я спросил: не жалко ли ему этот лес, что пойдет на целлюлозу, как мастеру, не жаль? Целлюлоза, конечно, нужна, но ведь дерево... Комбинат будет его поглощать кубометрами, сотнями, тысячами...

— В это время вырастет новый, — отвечал Золтан. — По подсчетам, леса здесь хватит лет на сто, а сосне хватит семидесяти, чтобы вырасти. Березе вообще пятьдесят... Но, честно говоря, я не ожидал увидеть столько дерева. Первое время даже смотреть ни на что не мог, только на него. Оно мне снилось здесь... Дома нет, только здесь.

Дерево тут любили. Фойе при входе в оба общежития, бар, многие комнаты — все было обшито деревом, и делали все это, конечно, сами — после работы. Тот же Золтан и делал. Даже когда в мае прошлого года собрался XIII съезд Димитровского комсомола, то подарок съезду сделали общий — и он тоже был из дерева.

Между тем Йохим, ведший аукцион, все еще держал над головой маленькое креслице-качалку. Деревянное, сделанное наскоро, не больше ладони. Он слегка покачивал его.

Страсти разгорались. Никакой «художественной ценности», как сказал бы Ильф, это «художественное произведение не имело». Истинная цена каждого предмета называлась в самом начале, и это креслице стоило рубль с копейками. Сейчас оно уже стоило десять.

— Кто больше? — ударял молотком Йохим.

— Цвёльф! — выкрикнул, качнувшись вперед всем длинным телом, юноша в белой рубашке.

По моим беглым подсчетам, он уже истратил в этом аукционе рублей тридцать. Орех, кажется, тоже он приобрел. Сейчас он был просто счастлив, и эта несоразмерность его совершенно искреннего и откровенного счастья с тем, что он держал в руке, была удивительна.

Я пробрался к нему сквозь толпу. Он улыбался. «В таких случаях надо быть щедрым», — сказал он мне поучительно. Но в каких — не объяснил.

В дверях меня догнал Вольфганг. Он все еще ходил в карнавальном костюме.

— Ты не понимаешь, да? — спросил Вольф. — Это наш последний карнавал... Мы вот-вот кончим свою работу, в марте. Это прощанье.

— А аукцион, извини... Что происходит-то?

— Эти деньги в фонд фестиваля... На Кубе.

Уже опять была музыка.

БРАТСКАЯ ДРУЖБА И СОТРУДНИЧЕСТВО СТРАН СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО СОДРУЖЕСТВА ВЫШЛИ ЗА РАМКИ НАШЕЙ ПЛАНЕТЫ НА ПРОСТОРЫ ВСЕЛЕННОЙ. МЫ ЭТОМУ РАДЫ И ЭТИМ ГОРДИМСЯ.

Из выступления Генерального секретаря ЦК КПСС, Председателя Президиума Верховного Совета СССР товарища Л. И. Брежнева при вручении наград экипажам орбитального научно-исследовательского комплекса «Салют-6» — «Союз».

ОГНИ ПРАГИ СКВОЗЬ ОБЛАКА

Владимир ГУБАРЕВ

— Есть разрешение на старт! — сообщил 22 марта оператор на Байконуре. До пуска «Союза-28» оставалось еще семь минут.

«Есть разрешение на старт!» И спустя несколько часов после начала полета «Зениты» включили двигатель корабля, чтобы перевести его на новую орбиту, поближе к «Салюту».

Старты в космосе — логическое продолжение земного пуска, и они требуют от экипажа собранности и четкой работы.

— Все в норме. Готовимся к маневру... — это голос Алексея Губарева.

— Горит транспарант «Режим сближения», — добавляет Владимир Ремек.

Трудно экипажу «Союза-28». Сразу после отделения от носителя они оказались «в перевернутом положении». Именно так встречает человека невесомость. А потом приливает кровь к голове... Нет лекарств от этого испытания невесомостью. Нет ничего, кроме работы. И опытный Губарев, и новичок в космосе Ремек это знают. Да, на стартовой площадке они волновались, и у командира «Союза-28», и у космонавта-исследователя отметили учащенный пульс. У Владимира Ремека он доходил до 100 ударов в минуту. Однако уже на первом витке волнение ушло, словно в космосе он уже давно.

Путь корабля к станции далек и сложен. Корабль пока не виден через иллюминаторы «Салюта», не загорелся еще звездочкой на черном фоне, но здесь, в Центре управления, почти физически ощущаешь, как уменьшается расстояние между двумя космическими объектами. Вновь включается двигатель, «Союз» поворачивается — автоматика «удерживает» его в незримом коридоре, ведущем к «дверям» космического дома.

Четвертая стыковка за три месяца: сначала с «Союзом-26», потом с «Союзом-27», потом с транспортным кораблем «Прогресс-1», теперь с «Союзом-28». И каждый раз по-новому. Сейчас корабль и станция входят в тень.

— «Таймыры», как у вас?

— Точно по программе.

— «Зениты», «Таймыры», есть метка 15 метров. Замечаний нет, — говорит Центр.

И сразу же голоса из космоса:

— Есть касание! Есть стык!

— Рады с вами встретиться. Мы ждем с нетерпением, — говорит Романенко.

Это случилось 3 марта в 20 часов 10 минут...

В станцию вплывает Ремек.

— Алексей, ты здесь? — Гречко заглядывает в люк. — Опять встречаемся. И примите наш бортовой хлеб с солью...

— Трудный это хлеб, — замечает Ремек.

— Ребята, вы не расходитесь пока, побудьте немного у телекамеры, — просит «Земля», очень приятно вас видеть вместе...

— Да нам нельзя рассиживаться, — говорит Романенко, — по программе надо включать «Хлореллу»...

Этот эксперимент начался через 20 минут после перехода

А. Губарева и В. Ремека в «Салют-6», а завершился 10 марта, когда они возвращались на Землю.

Есть в Праге музей, где хранится коллекция живых водорослей. Ею постоянно пользуются биологи не только Чехословакии, но и многих стран. Отсюда берутся различные виды водорослей, которые используются и для научных исследований, и в сельском хозяйстве. Ведь, к примеру, хлорелла — это белок, добавки ее в корма резко повышают продуктивность животноводства.

Два вида хлореллы из Чехословакии и два вида из СССР участвуют в эксперименте «Хлорелла», который проводится на борту «Салюта-6».

— Его значение для будущего трудно переоценить, — рассказывает доктор медицинских наук Е. Шепелев, — 30—40 литров взвеси водорослей достаточно, чтобы обеспечить человека и водой, и белком для пищи, и чистым воздухом. Кстати, способность хлореллы очищать атмосферу от вредных примесей открыта совсем недавно. Эти универсальные свойства хлореллы мы проверяли в земных условиях. Теперь очень важно выяснить, как ведет она себя в невесомости. После возвращения космонавтов биологический материал будет распределен между научными учреждениями Советского Союза и Чехословакии...

«Если охарактеризовать общее развитие космических исследований, — считает академик В. Глушко, — то можно с уверенностью сказать, что они находятся сейчас на этапе качественных изменений. Период первоначального накопления фактов, период «рекогносцировки» закончился. Создание в СССР и США орбитальных станций, длительная работа экипажей на их борту показывают исключительную научную перспективность этого пути развития современной космонавтики. Нет сомнений, что в будущем экипажи орбитальных станций станут международными, а освоение космоса — делом всей планеты».

Эту мысль известного советского ученого прекрасно проиллюстрировали сами космонавты. Алексей Губарев и Владимир Ремек доставили на «Салют» капсулу, которая была изготовлена в Чехословакии. До них «Прогресс-1» доставил на борт установку «Сплав». Еще раньше из Чехословакии была получена капсула и сопровождающий ее документ.

«Капсула МС-1 изготовлена в Институте физики твердого тела Чехословацкой академии наук в январе 1978 года. В капсуле размещены две кварцевые ампулы с исходным веществом. Капсула допускается к проведению технологического эксперимента в установке «Сплав-01» на долговременной станции «Салют-6». Член-корреспондент Л. Штоурач».

Таковы практические результаты решения очередной рабочей встречи по программе «Интеркосмос» об участии различных институтов стран социалистического содружества в технологических экспериментах на борту орбитальной станции.

— Эксперимент, за который отвечает Владимир Ремек, — рассказывает инженер А. Егоров, — будет продолжаться почти двое суток. Вещества, находящиеся в ампулах, очень хорошо изучены в наземных условиях нашими чехословацкими коллегами. Это хлориды серебра и свинца, меди и свинца. Они представляют огромный интерес для оптоэлектроники. Есть надежда, что в условиях невесомости процесс плавки придаст им особые свойства, которые трудно или даже невозможно получить в земных условиях. Пока значение подобных работ научное, но мы уверены, что в будущем на околоземных орбитах можно будет получать материалы и сплавы в промышленных условиях. Причем на установках, прототипом которых является «Сплав-01».

«Когда-нибудь, — говорил академик Б. Е. Патон, — заработают заводы в космосе, где существуют постоянно такие «производственные условия», каких на Земле вообще нельзя достичь».

— Нам с Ремеком очень хорошо на станции, — передает командир «Союза-28». — У них здесь порядок, уютно. Чувствуется, обжились здесь Юра и Георгий...

Космонавты за обеденным столом.

Ремек пьет из тубы долго, с удовольствием.

— Нравится водичка? — спросил Романенко.

— Очень...

— Из нашего пота, — рассмеялся Гречко.

«На семнадцатые сутки полета нам разрешили включить систему регенерации, и уже на следующий день мы могли приступить к опробованию полученной воды, — рассказывал Алексей Губарев о своем полете на «Салюте-4». — Но тут возник деликатный вопрос: кому первому пробовать, мне или бортинженеру? Получаем радиограмму с Земли: «Разрешаем приступить к приему регенерированной воды «Зениту-2», «Зениту» приступить к приему через пять суток».

Первым испытателем «космического напитка» стал Георгий Гречко. В общем вода понравилась. А уже следующий экипаж «Салюта-4» — Петр Климук и Виталий Севастьянов — завершили исследования регенерационной установки. Без нее трудно представить современный «Салют». Ведь в течение всего только одного месяца экипажу требуется минимум 60 литров воды. Это без бани...

— Теперь и наша доля в этой воде есть, — не без гордости говорит Ремек.

В Звездном городке за две недели до старта журналисты встретились с первым международным экипажем — Алексеем Губаревым и Владимиром Ремеком.

— Володя годится мне в сыновья, — сказал тогда Губарев. — Но это не мешает нашей мужской дружбе. Мы оба летчики. Я три десятка лет летаю, он, конечно, поменьше, но это не мешает нам понимать друг друга. Мы тщательно готовились к полету: то, что я знаю, теперь и ему известно...

— 12 апреля 1961 года сыграло решающую роль в жизни каждого из нас, кто посвятил себя космосу, — говорил Владимир Ремек. — У нас в Чехословакии не было тогда никаких космических исследований. Думал ли я о том, что стану космонавтом? Конечно же, нет — можно было только мечтать, и все. А потом сотрудничество социалистических стран по программе «Интеркосмос», первые интернациональные экипажи. А путь нам открыл Гагарин...

4 марта, на третий день полета, состоялась пресс-конференция журналистов, аккредитованных в Центре управления полетом, с международным экипажем «Салюта-6». И хотя два телерепортажа были посвящены ей, на все вопросы, интересующие корреспондентов, ответить было невозможно. «Как выглядит Куба из космоса?» — это волновало представителя кубинского агентства. «А Монголия?» — вопрос газеты «Унэн». Польские коллеги хотели узнать, что расскажет Владимир Ремек своим товарищам из ПНР и ГДР, которые готовятся к полету в Звездном городке. Вопросы, вопросы...

Далеко ли видно с «Салюта»? Этот вопрос возник после одного из сеансов связи, когда Юрий Романенко невзначай заметил:

— Кстати, полмира видим. Прав был Севастьянов...

В «Дневнике над облаками» я нашел строки, которые имел в виду командир «Салюта-6». Сразу после возвращения из полета Виталий Севастьянов рассказывал о своих впечатлениях.

«Еще в первом полете провели эксперимент. Пролетая над Варшавой, посмотрел, что же видно в Европе одновременно. Наш корабль шел с запада на восток. И вот с левой стороны видны весь Скандинавский полуостров, северные берега Норвегии, Балтийское море, Ленинград, Рижский залив, Рига, сзади — Англия, Ирландия, а вот Лондон, вот Париж, а это уже Пиренеи. Справа видны Адриатика, Черное море, север Италии, Крым, а впереди по курсу — Москва... Петр на мой крик восторга приплыл в переходной отсек и был поражен этим чудом макровзгляда. Да, это чудо!»

Далеко видно с орбиты... Не об этом ли говорил и Владимир Ремек:

«Первый раз мы пролетали над Чехословакией на четвертом витке, потом во время стыковки, но посмотреть на Землю было некогда. И только в «Салюте» в субботу у меня появилась возможность увидеть свою родину из космоса. Это были волнующие минуты. Сквозь облака просвечивали огни Праги, Братиславы... Одновременно мы наблюдали Польшу и ГДР, Венгрию и Советский Союз. Очень приятно видеть Чехословакию в семье братских стран...»

...Кончалось время командировки на орбиту, когда, прощаясь с друзьями, Юрий Романенко заметил:

— Все-таки жаль, что вам не удалось увидеть то полярное сияние...

Командир станции имел в виду удивительное явление, которое они наблюдали с Георгием Гречко незадолго до прилета Алексея Губарева и Владимира Ремека.

— Придется еще раз лететь в космос, — заметил Ремек.

— Значит, договорились: вновь встречаемся на «Салюте» и в той же компании, — рассмеялся Гречко, — кстати, три года назад мы с Алексеем об этом условились, а теперь уже дважды поработали на станции вместе.

На карте — район посадки. Светящаяся точка, которая загоралась над Атлантикой, застыла: аппарат начал спуск на парашюте.

И сразу же сообщение от группы поиска:

— Наблюдаем объект!

Первым из спускаемого аппарата появляется Владимир Ремек. Он сразу же оказывается в объятиях друзей.

— Как дела на орбите? — первый вопрос Алексея Губарева и Владимира Ремека после приземления. И он невольно вызвал улыбку и там, среди встречающих космонавтов, и здесь, в Центре управления полетом. Разве не Губареву и Ремеку следовало бы отвечать на этот вопрос, но слишком долог путь из космоса, хоть и продолжается всего несколько десятков минут. Столь же долог, как старт, как ожидание, пока откроются люки корабля и станции...

— У них все нормально, — успокоили космонавтов, — наблюдали вас, уже передали поздравления с благополучной посадкой Еще раз подтвердили, что скоро смогут обнять вас на Земле

СТУДЕНЧЕСКИЙ ДЕСАНТ В ХЕЛМЕ

Ю. ОРЛИК,
соб. корр. «Комсомольской правды» в ПНР — для «Ровесника»

Каждое лето тысячи и тысячи студентов во всех социалистических странах работают в народном хозяйстве.

Одной из популярных форм такого студенческого «вторжения» в хозяйственную и вообще в общественную жизнь страны в Польше стали комплексные акции. Суть их такова: студенты различных вузов заранее выбирают будущий объект — обычно он расположен в «глубинке» и в силу разных причин не блещет своим развитием — и, используя знания и навыки, связанные с будущей профессией, пытаются комплексно решить его проблемы. Пик подобных акций приходится на летние каникулы, но работа над различными проектами продолжается круглый год. Об одной из таких акций, ценных не только для народного хозяйства, но и для самих студентов — это ли не простор для самопроявления! — рассказывается в корреспонденции, полученной редакцией из Варшавы.

В летнюю пору поезда и автобусы, идущие к Хелму (город в Польской Народной Республике, расположен на востоке страны, на берегу реки Буг. Население — по карте — «от 30 000 до 100 000 жителей»), забиты студентами. Отличить их от «нормальных» пассажиров нетрудно: джинсы и смешные шапочки, рюкзаки и гитары. Ну и, конечно же, приличествующий такой компании галдеж: первое впечатление — веселые ребята решили весело провести время, вот и махнули в провинцию, на природу. Но позвольте, с каких это пор Хелм стал туристической Меккой?

Внесем ясность сразу — студенты едут в Хелм работать

Экскурс в историю

У этого города особые заслуги перед историей страны: Хелм — первый город на польской земле, освобожденный от фашистских захватчиков, и тогда, в течение десяти дней, он считался столицей новой Польши. Здесь было сформировано первое народное правительство — Польский комитет национального освобождения и провозглашен знаменитый Июльский манифест 1944 года. «Соотечественники! — говорилось в нем. — Пробил час освобождения. Польская армия вместе с Советской Армией перешла Буг. Польский солдат сражается уже на нашей родной земле. Над измученной Польшей вновь развеваются бело-красные знамена». Манифест заканчивался словами: «Да здравствует свободная, сильная, независимая, суверенная и демократическая Польша!»

Так что решение Социалистического союза польских студентов — взять шефство над первой столицей народной Польши — было продиктовано патриотическим стремлением отдать должное городу, ставшему символом возрождения, и тем самым продемонстрировать свою верность идеалам, провозглашенным в Июльском манифесте.

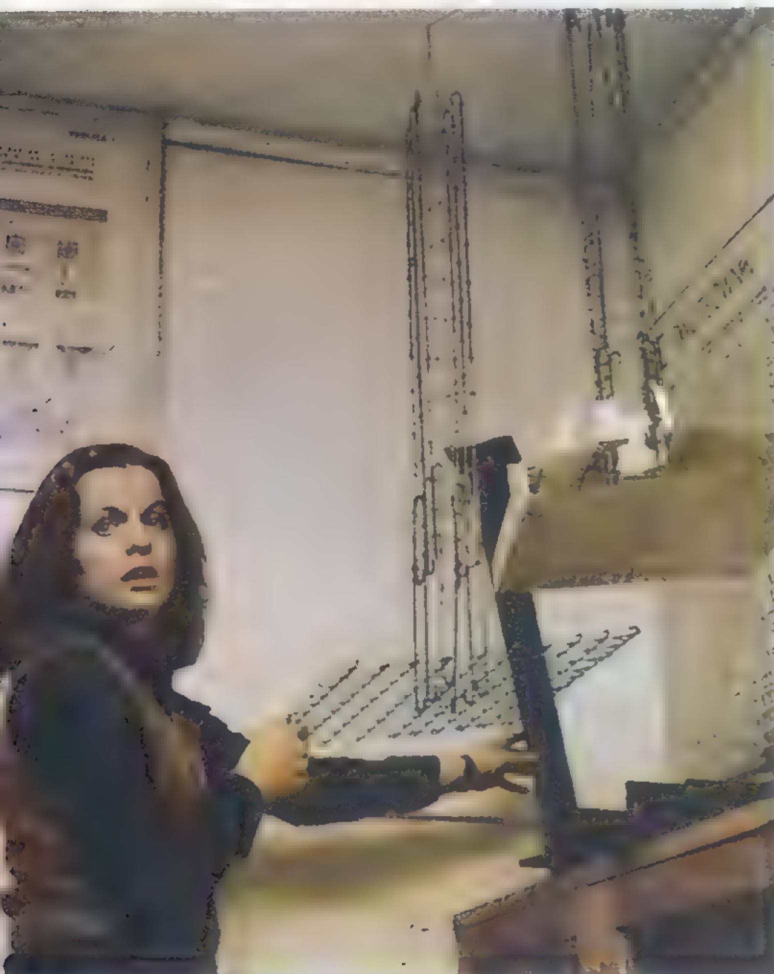
Но были и другие причины, более, что ли, житейские.

Исполнив свою роль первой столицы, Хелм как-то незаметно отошел в тень. Не обладавший развитой промышленностью, отделенный сотнями километров от вузовских центров, он оставался заштатным провинциальным городком, о котором и вспоминали-то лишь по праздникам. В последние годы, правда, и сюда докатилась волна индустриализации: введены в строй новые мощности на цементном комбинате, построена новая обувная фабрика, реконструируется завод санитарного оборудования. Но это, понятно, не решало всех проблем города.

В 1975 году в связи с административной реформой Хелм стал центром воеводства. В воеводство вошли районы относительно слаборазвитые, где хозяйства по преимуществу индивидуальные, с устаревшей техникой, малым выходом продукции. Молодежь покидала село. Нехватка рабочих рук стала проблемой, а со специалистами так вообще беда: даже в госсельхозах

На фотографиях — привычные студенческие сюжеты: это было прошлым летом в Хелме, будет этим летом в Хелме или в другом городе Польши, Чехословакии, Советского Союза... Это будет, потому что студенческий трудовой семестр, очевидно, полезен каждой из наших социалистических стран, потому что он на пользу и в радость каждому студенту.

их можно сосчитать по пальцам. И в селах и в городе не хватает учителей, врачей, работников культуры.

Даниэль Хан, президент города Хелма:

— Да, Хелм стал столицей воеводства. Но одно формальное повышение города в ранге ничего не решает. До столицы надо дорасти. Реконструкция предприятий, строительство жилья, модернизация коммунального хозяйства — нам нужны тысячи специалистов и просто хороших рабочих. Эти кадры дало нам студенчество. Подсчитано, что даже если один процент тех студентов, которые работали у нас, останется в городе после получения диплома, проблема специалистов будет разрешена.

Работа для Хелма

Начало акции «Хелм-80» — 1976 год (планируемое окончание ясно из названия). 1976 год — разведка, ориентировка на местности, поиск точек приложения сил, «отработка оптимального варианта шефства» (формула, услышанная мною в штабе акции). В том, первом году здесь работало около 2,5 тысячи студентов. В 1977-м — уже 3,5 тысячи. План нынешнего года — 9 тысяч.

Главное студенческое подразделение в Хелме — трудовые бригады. Заняты они прежде всего в строительстве. Другая группа работает на предприятиях — слесарями, электриками, ремонтниками. У третьей — сельская прописка. Это ребята, умеющие водить трактор и комбайн, знающие труд земледельца. «Селяне без специальности» помогают в уборке урожая — убирают огородные культуры, скирдуют солому, работают грузчиками.

Францишек Голик, директор кооператива сельскохозяйственных кружков в селе Камень:

— В течение лета у нас в хозяйстве работали две тракторные бригады из Щецинской сельхозакадемии и три из академии в Люблине. Крестьяне, знаете, не дипломаты. И если уж они говорили: «Эти парни знают цену хлебу» — и просили направить к ним не нашего тракториста, а студента, то это много значит.

Ян Бирнбах, заместитель директора управления сельскохозяйственного строительства в Хелме:

— Я недавно вернулся из госсельхоза «Савин»: ехал по дороге, которую построили студенты. Был на ферме для откорма крупного рогатого скота — ее построили студенты. Видел жилой дом для животноводов — его построили студенты. А главное, студенты, работающие в государственном или кооперативном секторе, помогают укрепить эти хозяйства, сделать их образцовыми. Так что с приездом студентов в Хелм усилился процесс социализации села. Это в наших условиях очень важно.

Ирена Шимонович, заведующая сельскохозяйственным отделом штаба акции (выпускница сельхозакадемии в Кракове):

— Что считаю главным в акции? Пожалуй, преодоление барьера недоверия к студентам, к их умению работать со стороны хозяйственных руководителей.

Наука для Хелма

Но студенческий палаточный городок известен не только тем, что каждое утро отправлял своих питомцев на стройку или предприятие. Хелм во время каникул превращается в центр студенческой науки.

В минувшем году здесь действовало 56 студенческих научных лагерей. Темы исследований обсуждались с академической обстоятельностью и дотошностью. Свои предложения вносили руководители всех воеводских служб — от архитектурного управления до коммунхоза. Прислали заявки села, лесничество, водонадзор. Заявки, конечно, превышали скромные возможности студенческих кружков. Шел жесткий отбор. Последнее слово было за научными консультантами из вузов.

За какие темы взялась студенческая наука? Прежде всего за те, которые связаны с охраной окружающей среды — в этом деле у польского студенчества солидный опыт. Главное предприятие Хелма — цементный комбинат — работает на угле. Как бороться с запылением, с загрязнением воздуха и почвы — одно направление студенческих работ. Ленчинско-Влодавское поозерье до сих пор считалось зоной, удобной для земледелия да еще для отдыха. Теперь в связи с разработкой Люблинского угольного бассейна сюда вторгается тяжелая индустрия. Как рационально распорядиться богатствами этой земли?

Хелм — старый город. За его плечами десять веков. Как сохранить его древние памятники, его Старувку и одновременно, не нарушая ее седой красоты, сделать эту старую часть города удобной для современной жизни? Создание центра спорта и отдыха «Кумова Долина» (от проекта до строительства — все руками студентов) — еще одна точка приложения сил. Кстати, студенческий лагерь дал Хелму первых дипломированных специалистов, решивших остаться в городе на постоянную работу.

Это студенты Краковского архитектурного института Анджей Кшемень, Войцех Палка и Збигнев Левчук. Они защитили диплом по хелмской теме (речь в нем шла как раз о Старувке) и приняты в штат бюро пространственного планирования города.

Факторы интенсификации сельского хозяйства — темы, подсказанные деревней. Добавьте сюда исследования медиков, социологов, экономистов, психологов, касающиеся условий труда, — и вы получите какое-то представление о том, чем занимается в Хелме студенческая наука.

Конечно, было бы эффектно ввести в рассказ сообщение о том, что такие-то и такие-то студенческие разработки уже приняты к внедрению. Но в науке спешка противопоказана. 77-й год, так считают в штабе, был только разведкой.

Збигнев Каминьский, выпускник Гданьского политехнического института 1973 года, заведующий отделом науки штаба акции:

— Смешно полагать, что за три недели пребывания в Хелме студенческий кружок может родить сверхидею. Но «застолбить» тему, собрать необходимый эмпирический материал, провести минимум исследований — может. И если продолжить над ней работу в вузе — с консультантами, располагая необходимой лабораторной базой, если сделать «хелмскую тему» основой курсовой или дипломной работы, — толк будет...

Культура для Хелма

«Главное внимание в воеводстве — вследствие именно его хозяйственной неразвитости — уделяется развитию промышленности, а проблемы культуры отодвигаются на второй план. В воеводском Доме культуры на 22 штатных работника приходится лишь 5 человек с высшим образованием. Из 722 сел клубы существуют лишь в 104, что составляет 14,3 процента. В них нет ни одного дипломированного специалиста».

Это цитата из официального отчета о состоянии культуры в воеводстве.

С такой исходной позиции пришлось стартовать студенческому культурному десанту. Он был заброшен в Хелм задолго до официального начала акции — в январе 1977 года. Тогда студенты четырех вузовских центров — Люблина, Вроцлава, Белостока и Быдгоща — устроили смотр художественной самодеятельности «Панорама-80». Вслед за этим была открыта «Галерея-80» — выставка студентов-художников.

А летом в Хелме побывало несколько десятков студенческих джазовых ансамблей, театров, танцевальных и вокальных групп. Фотовыставки, демонстрация слайдов, киновикторины, наконец, дискотека дополняли программу.

Работали так называемые «творческие мастерские»: театральная или вокально-инструментальная группа готовила в присутствии публики свое представление. И можно было понаблюдать за работой режиссера, актеров, руководителя ансамбля, одним словом, побывать за кулисами.

С приездом студентов у Хелма появилась своя газета. Она выходила на восьми полосах тиражом в 3000 экземпляров. Редактировали ее члены студенческих журналистских клубов. Вторглись студенты и в местный эфир: ежедневные двухчасовые радиопрограммы для студентов и одночасовая — для жителей Хелма.

Конечно, «культурное освоение» Хелма только начинается. В планах — творческие семинары с местными работниками культуры, уроки эстетики в школах, работа в коллективах художественной самодеятельности, более широкое участие студентов художественных академий в архитектурно-художественном оформлении города, шефство над строительством клубов. А в конечном счете работа здесь, на Хелмщине, после вуза. Не временно — постоянно.

Хелм для студентов

Что думают обо всем этом сами студенты? Воспользуюсь ответами на анкету, опубликованными в одном из выпусков информационного бюллетеня «Студенческая акция «Хелм-80».

Вопросы в анкете были такие: 1. Что ты делал в Хелме чаще всего? 2. Что тебе не нравилось? 3. Чем бы ты сагитировал других на участие в акции? 4. Что более всего будешь помнить?

Анджей Шуман, студент Высшей инженерной школы:

— 1. Монтировал стеллажи на складе. 2. Все меня устраивало. 3. Великолепные культурные программы, кроме того, Хелм — это высокие заработки и вкус физического труда. 4. Наверное, девушку, с которой здесь познакомился.

Гражина Кудень, студентка Высшей инженерной школы:

— 1. Работала бетонщицей. 2. Вода была такой холодной: выкупаешься — зуб на зуб не попадает. 3. Сама атмосфера Хелма, прекрасные взаимоотношения. 4. Запомню, как вставали в шесть утра, одевались в холодных палатках и как ждали воскресенья, когда можно будет выспаться.

Ежи Вечорек, студент Щецинской сельскохозяйственной академии:

— 1. Косил хлеб, убирал сено и солому. 2. Поля индивидуальных крестьян невелики и разбросанны, много времени тратишь на переезды. 3. Реклама Хелма — это уважительное отношение к нашей работе. 4. Всегда буду помнить сам Хелм, приеду сюда в следующем году.

И последнее — цифра: в минувшем году суммарный эффект от работы студентов составил 3 миллиона 200 тысяч злотых.

Варшава — Хелм

КОМУ НУЖЕН ПОРЯДОК «СЛУЖБЫ ПОРЯДКА»? ● ВЫСТРЕЛЫ НА МОЛОДЕЖНЫХ КОНЦЕРТАХ ● НОВЫЙ РЫНОК ГЕРОИНА ДЛЯ ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЫ ● КУДА БЕЖАТЬ ОТ ОБЩЕСТВА И ОТ САМОГО СЕБЯ? ● ВУНДЕРКИНДЫ СТАНОВЯТСЯ ЖУЛИКАМИ ● ЭКЗАМЕН НА БОГАТСТВО РОДИТЕЛЕЙ.

КТО СТРЕЛЯЛ В МЕЙОНА?

...Выстрел в Ла-Вийетт эхом отозвался в сердцах многих французов. Во время концерта был убит 17-летний учащийся лицея Люсьен Мейон. Пуля попала в сердце. Выстрел предположительно произведен из пистолета девятого калибра. Случай этот, пополнивший колонки хроники уголовных преступлений французских газет, не стал «просто сенсацией». В первую очередь внимание общественности привлекло странное отношение к этому делу полиции, которая, вместо того чтобы направить свои усилия на поиски убийцы, занялась общими рассуждениями о «социальной опасности молодежных концертов и фестивалей». Один из следователей, ведущий дело об убийстве Мейона, прямо заявил, что «давно пора запретить эти сборища молодых хулиганов всех рас и цветов». (Нужно сказать, что сам Люсьен — уроженец Гваделупы.) Практически, не начиная расследования, полиция сделала следующее заключение: Мейон погиб во время потасовки между хулиганами. К этому выводу не замедлили присоединиться и устроители концерта, и некоторые газеты.

Казалось бы, воцарилось полное единодушие. Но возникает закономерный вопрос: каким образом в обыкновенной драке было использовано огнестрельное оружие, да еще столь крупного калибра, и почему полиция так старательно и методично уклоняется от любого упоминания о причастности к этому делу «службы порядка»?

А случилось вот что. Люсьен Мейон с братом Кристианом в компании шести друзей направлялись на концерт Питера Габриэля. У входа к ним подошли три парня из «службы порядка». Настроенные весьма решительно (один поигрывал пистолетом, другой — железной цепью), они заявили, что должны обыскать ребят, чтобы проверить, нет ли у них оружия. Люсьен с друзьями повиновались. Однако, когда во время обыска из кармана Люсьена были изъяты две десятифранковые банкноты, Кристиан возмутился и тут же получил удар цепью. Очевидно, Люсьен попытался заступиться за брата, но на помощь тройке из «службы порядка» подоспело по меньшей мере тридцать верзил, которые учинили форменное побоище. Пострадало немало зрителей, в том числе один молодой турист, приехавший из Англии. А Люсьен был убит.

Что же представляет собой «служба порядка», которую так старательно выгораживают полиция и некоторые представители официальных властей?

Входящие в эту «службу» добровольные молодежные подразделения, все чаще называемые французами параллельной полицией, выполняют обычно функции охраны и распорядителей на молодежных фестивалях и концертах. Подбираются в нее молодые парни недюжинной физической силы. Форма — черные куртки. Волосы коротко подстрижены. Вооружение — дубинки, железные палки с каучуковыми наконечниками, гранаты со слезоточивым газом. В «службу порядка» охотно идет молодежь из правоэкстремистских и неофашистских организаций.

Из показаний одной из свидетельниц: «Мы с подругой хотели попасть на концерт. Но поскольку билеты стоимостью в 38 франков нам не по карману, стояли у дверей в надежде, что кто-нибудь из знакомых проведет нас бесплатно. К нам подошли парни из «службы порядка». Их нетрудно узнать по внешнему виду. С одним из них подруга училась в лицее. Там он состоял в фашистской организации. Да и другие тоже почти все — фашисты».

Вывод напрашивается сам собой: те, кому это надо, вооружают банды неофашистских громил, лицемерно именуя их «службой порядка».

Имя убийцы Люсьена — Марсель Овре. Разыскать его полиции не стоило особых усилий — улики были уж слишком очевидны. Убийца признал, что взял у Люсьена деньги. Пистолет он прихватил с собой на концерт якобы в целях самообороны, на всякий случай. А когда в результате потасовки оказался один на один с Люсьеном, который был выше и сильнее, решил «припугнуть» его. Нет, конечно, он «не собирался убивать», он только выпустил в Мейона несколько пуль

Свидетельствуют друзья Люсьена, его одноклассники, соседи: «Он был спокойным парнем, никогда не прибегал к кулакам для выяснения отношений, несмотря на то, что был сильнее других ребят, хорошо учился, увлекался музыкой и спортом».

Таким образом, меньше всего Мейон походил на агрессора, от которого пришлось обороняться Марселю Овре. Что касается последнего, то здесь имеется любопытная деталь. Овре — член одной из неофашистских групп и не скрывает своих расистских взглядов. Свою квартиру он превратил в своеобразный музей нацистских реликвий во славу Гитлера. И это еще раз подтверждает тот факт, что некоторые устроители молодежных концертов не очень-то разборчивы в подборе людей для обеспечения порядка. И не только они. Сильным мира сего выгодно иметь под рукой подразделения «черных курток» во время избирательных кампаний: для выполнения самых неблаговидных миссий, конечно, за соответствующую мзду привлекаются мальчики

из «службы». Нередко эти молодчики участвуют в разбойничьих налетах на помещения, занимаемые коммунистическими организациями. Как известно, во Франции право на труд провозглашается, но не гарантируется, безработных юношей и девушек моложе 25 лет насчитывается сегодня около миллиона. И в этих условиях те, кто несет ответственность за сложившееся положение, боятся, что неудовлетворенная молодежь может стать опасной. Для борьбы с выступающей за свои права молодежью и создаются организованные отряды «службы».

Недавно опасения по поводу создания в стране целой системы параллельной полиции, которая прячет свое имя, высказал и профсоюз полицейских, находящихся на государственной службе. Робер Пошон, мэр департамента Валь-д'Уаз, выступая на похоронах Мейона, собравших тысячи молодых парижан, назвал «черные куртки» службой организованной преступности. Он выразил мнение прогрессивно мыслящих французов о том, что власти хотят свалить вину за участившиеся беспорядки на молодежь, хотя именно она и является в первую очередь жертвой экономического и духовного кризиса общества.

По материалам французской печати публикацию подготовила Г. СИДОРОВА.

„Прямо перед школой, где учится мой сын, я увидела хорошо одетого мужчину в дорогой машине. Мне показалось, что он что-то раздавал и предлагал школьникам. Он не был родителем, потому что уехал один. Боюсь, это был распространитель наркотиков. Что ж нам теперь делать?» Женщина говорит, что она звонила в полицию, но никто не приехал. Говорит, что многие ее знакомые боятся за своих детей.

Неужто же школьники уже в средних и старших классах отравляют себя наркотиками? Есть родители, которые качают в ответ головой: они думают, что все это обычные преувеличения газет. Другие верят, что это так, но надеются, что хотя бы некоторые несчастья обойдут их дом стороной.

Наркотики действительно проникли в школу — увы, сегодня это можно утверждать с полной уверенностью. Вот этапы этого проникновения: один погибший в 1973 году, восемь в 1974-м, двадцать пять в 1975 году, тридцать три в 1976-м, тридцать шесть в первой половине 1977 года. Самую юную жертву зовут Паоло Эккер. Он умер в Тренто прошлым летом от чрезмерной дозы героина. Ему не было пятнадцати.

Все эксперты сходятся во мнении, что средний возраст наркоманов в Италии падает. Есть случаи, когда уже в одиннадцать лет начинают баловаться «травкой» или леденцами, «подправленными» наркотиками. Можно начинать с «травки» и через короткое время в погоне за более сильными ощущениями перейти на героин. Перейти и сгореть.

Одной озабоченности мало. Нужно прежде всего знать причины распространения этого безумия...

В Италии наркотики появились (если не считать «вечеринок», устраиваемых время от времени «высшим обществом») в конце шестидесятых годов на волне движения «хиппи» и так называемой «психоделической революции» — бегство от общества потребления, поиски скрытого «я». Для крупных торговцев наркотиками наша страна была тогда транзитной. Молодые время от времени «покуривали», а героиноманов можно было пересчитать чуть ли не по пальцам. С 1973—1974 годов положение, однако, меняется. Италия превращается в центр торговли «тяжелыми» наркотиками. В одночасье пустеет рынок «легких» наркотиков, и торговцы начинают предлагать по низким ценам, а то и бесплатно тяжелую отраву, в первую очередь героин. События, происходившие в социальной жизни Италии (экономический кризис, кризис семьи, школы, безработица как перспектива на будущее) превратили торговлю наркотиками из моды и глупого увлечения в возможность бегства от реальности.

Если взглянуть на торговлю наркотиками с другой стороны, то героин приносит чистую прибыль в 3000 процентов, далеко позади оставляя доходы торговцев марихуаной и гашишем. И потом ведь «легкие» наркотики не так «связывают», как героин, который полностью подчиняет себе человека, делает его своим рабом. Не случайно в кругу наркоманов про «новобранцев» говорят, что он «заглотнул крючок». Необходимость в новых порциях дорогого героина толкает наркомана на путь преступности — кражи, похищения, нападения.

Сегодня мало кто из продавцов наркотиков попадается «за работой» рядом со школой. Зато наркоманы всегда знают, где их разыскать: дискотеки, общественные парки, полутемные бары, на железнодорожных и метростанциях. Начать нетрудно: есть в этом какой-то аромат необыкновенности, таинственности общения со «стариками», которые старше всего на несколько лет, но живут неизвестной тебе жизнью. Но, единожды переступив черту, наркоман и сам вскоре становится распространителем наркотиков — ему ведь надо добывать деньги.

Собственно, от наркотиков не существует действенного лекарства, кроме одного — возможности более полной, насыщенной жизни среди других, настоящего чувства локтя, солидарности с другими людьми; но это общество не способно предложить нам такую жизнь.

Война с наркотиками нелегка, потому что враг плодится в темноте и тишине наших ошибок и просчетов, пороков каждой семьи и многих-многих семей, пороков общества. Не вина детей, что они становятся наркоманами. Они лишь платят за чужие долги, и каких-либо светлых перспектив впереди не видно. Наоборот, все эксперты в один голос утверждают, что уже через год европейский центральный рынок героина переместится из Амстердама в Милан.

А пока миланские школьники пишут ответы на вопрос: «Что ты знаешь о наркотиках?»

«Полицейские переодеваются наркоманами и арестовывают тех, кто продает наркотики, но это ничего не дает, потому что их главари сидят в своих конторах и рук своих не марают». Марко.

«Когда я хожу гулять в парк на площади Габрио Роза, я всегда вижу много ребят, которые вкалывают себе наркотики, и вижу наркоманов, вытаскивающих пачки денег, чтобы купить наркотики». Лаура.

«Мне становится ужасно, когда я вижу, что происходит с ребятами, принимающими наркотики. Они как сумасшедшие, они могут даже убить себя, потому что не понимают, что делают. Я знаю, что торговцы бесплатно предлагают наркотики маленьким детям, и те становятся дураками». Симоне.

«Вечером, когда надо идти спать, я всегда боюсь, что в комнате кто-то есть и он мне подсунет наркотик. Поэтому я беру с собой в кровать мою обезьянку». Эмануэла.

Перевел с итальянского С. РЕМОВ

ЗДОРОВЫЙ ДУХ КОНКУРЕНЦИИ?

Ричард ТРУБО,
американский журналист

Стивена Роузенфелда считали вундеркиндом. В школе он был суперзвездой по всем предметам, никто никогда не сомневался в его талантах. Прощальную речь на выпускном вечере от имени своего класса поручили произнести именно ему. На подготовительных курсах при Гарвардском университете, где он проходил такие сложные предметы, как квантовая механика и исчисление векторов, оценки у Стивена были только высшие. Там же он принял участие в исследованиях по биомедицине, которые велись под руководством Джеймса Уатсона, лауреата Нобелевской премии. «По-моему, меня всегда считали феноменом, а не просто хорошим учеником», — говорит он.

Казалось бы, взяв такой хороший разбег, Стивен Роузенфелд мог диктовать жизни свои условия. Казалось, какое бы поприще он ни избрал, успех ему гарантирован. И когда он решил поступить на медицинский факультет, ни у кого не возникло сомнений в том, что он будет принят. Ни у кого, кроме самого Стивена. Он знал, что многие и притом очень хорошо подготовленные молодые люди остаются за бортом после вступительных экзаменов. Поэтому, чтобы максимально повысить свои шансы, Стивен предпринял рискованный шаг — он подделал несколько рекомендательных писем. Администрация института по чистой случайности обнаружила эту подделку, и многообещающему студенту пришлось покинуть Гарвард, все его мечты о блестящей научной карьере были разбиты вдребезги. «Это было, конечно, глупо с моей стороны», — признает Роузенфелд.

Однако Стивен поступил не так безрассудно, как может показаться непосвященному. Медицинский диплом в США ценится так высоко (вернее сказать, так высоки доходы врачей), что конкуренция достигла предела. Всякое жульничество, подделка документов и оценок, к сожалению, уже давно практикуются среди абитуриентов, стремящихся любыми способами увеличить свои шансы. Они крадут учебники и книги из библиотек и друг у друга. Они срывают научные эксперименты своих сокурсников, пытаясь получить перевес в битве за баллы. Целая эпидемия краж принесла дурную славу лаборатории органической химии Гарвардского университета. Студенты проводят в лаборатории долгие часы, корпят над экспериментом, а потом аккуратно переписанные на чистовик результаты лабораторных работ пропадают, стоит случайно на минуту оставить тетрадь.

Дух соперничества, к которому студенты успели привыкнуть, будучи еще абитуриентами, часто мешает им установить товарищеские отношения. Они не хотят помогать друг другу, потому что боятся дать лишний шанс конкурентам на переводных экзаменах. «Все горе в том, что мы уже практически отвыкли относиться друг к другу по-человечески», — говорит Линда Патрик, молодая домохозяйка из Лос-Анджелеса. Два года назад она тоже готовилась к поступлению в медицинский институт и занималась на подготовительных курсах при Калифорнийском университете. Но сейчас она старается не вспоминать об этом времени. «Я с детства мечтала стать врачом, — рассказывает Линда. (В школе она всегда училась хорошо и поэтому была уверена, что сможет поступить в медицинский институт.) — Но меня возмущало отношение этих будущих медиков к своим же коллегам. Они горло готовы друг другу перегрызть из-за оценок. Из книг, по которым готовилась вся группа, всегда были выдраны самые нужные страницы. На контрольных большинство студентов списывало. Перед концом учебного года у меня украли стопку моих тетрадей и книг. Я отошла на минуту и оставила их на столе перед самым носом у дежурного библиотекаря. А до экзаменов оставалась всего неделя. На следующий день я попросила одноклассников дать мне свои конспекты, чтобы переписать недостающие лекции. Но они мне отказали, заявив, что здесь все соперничают друг с другом и каждый должен сам о себе позаботиться. Если в медицинские институты принимают людей, которые думают и поступают по такому принципу, то мне там не место. Я уверена, что настоящий врач должен иметь сострадание и вообще быть человеком добрым».

Но вот наконец проштудированы все учебники, проделаны все лабораторные работы, выпускные экзамены в школе и на подготовительных курсах сданы только на «отлично», однако никакой уверенности в том, что вы станете студентом, все равно нет. Что же делать тогда? Остается еще один путь — самый окольный, доступный только детям из состоятельных и влиятельных семей. Однако и самый верный. Деньги и нужные связи — вот что чаще всего помогает открыть двери в медицинский институт. Администрации института приходится выбирать определенное число из тысяч хорошо подготовленных абитуриентов. Легко себе представить, что рекомендация от конгрессмена или другого влиятельного лица, а также солидное пожертвование на нужды вуза от родителей поступающего обычно предопределяют выбор.

Пару лет назад бывший студент подал в суд на чикагский медицинский институт. Из показаний свидетелей в ходе разбора этого дела выяснилось, что в 1973 году родители семидесяти молодых людей пожертвовали на нужды колледжа приблизительно по 50 тысяч долларов. Всего было принято 90 человек.

Если среди родственников и знакомых абитуриента есть влиятельные лица, то очень полезно пустить их силу в ход в качестве тяжелой артиллерии. Такие случаи тоже всплывают время от времени на поверхность. Например, в филадельфийский медицинский институт поступал один молодой человек. Знаниями он не блистал, об этом свидетельствовали как оценки в его аттестате, так и его ответы на экзаменах. Однако он был принят, как оказалось потом, благодаря поддержке конгрессмена от штата Пенсильвания Даниэла Дж. Флуда. Последний посулил учебному заведению четырнадцать миллионов долларов из федеральных фондов.

«Вся эта система ужасно несправедлива», — жалуется Луиза Вудард, выпускница подготовительных курсов при биохимическом факультете. Она собирается поступать в медицинский институт университета в Южной Калифорнии. «Учись хоть круглые сутки, получай хорошие оценки — это ровным счетом ничего не значит. Слишком много существует других факторов, которые могут в любой момент помешать. Я чувствую, как все больше и больше погрязаю в этой ужасной атмосфере, — добавляет Луиза. — Я иногда действительно испытываю удовольствие от того, что кто-нибудь учится хуже меня. Вот уж не думала, что дойду до такого».

Перевела с английского
И. ПОРУДОМИНСКАЯ

Перед вами история похищения Карлоса Умберто Контрераса Малухэ. История уникальная благодаря стечению обстоятельств и мужеству свидетелей — это единственный случай судебного расследования «исчезновения» людей в Чили — и в то же время заурядная в своем трагическом финале. Карлосу Умберто Контрерасу Малухэ, в годы Народного единства члену ЦК Коммунистической молодежи Чили, было 27 лет. Он стал еще одной жертвой преступлений пиночетовской охранки.

Факты, заявления, документы почерпнуты из материалов процесса, проходившего и закончившегося в Сантьяго.

3 ноября 1976 года. 11.30 утра, центр Сантьяго.

«Я находился за рулем микроавтобуса (25 пассажиров), когда на улице Натаниэль около дома номер 943 мне навстречу бросился человек. — Это из заявления, данного под присягой шофером Луисом Рохасом Рейесом. — Я попытался затормозить, но все же машина задела человека, и он упал. Из головы его шла кровь».

«Я следовал за микроавтобусом по улице Натаниэль в «джипе», принадлежащем 6-му комиссариату карабинеров, где я служу, — это свидетельство капитана Валенцуэла. — Рядом со мной находился водитель, сзади — солдат. Я понял, что автобус попал в катастрофу, вышел из машины и увидел на земле человека. Он был ранен в голову, текла кровь».

«Я услышал скрип тормозов и выскочил из магазина, где я работаю, чтобы посмотреть, что случилось. — Это заявление Клаудио Хименеса. — Рядом со мной, вокруг раненого собрались пассажиры автобуса, водитель и капитан карабинеров».

Все свидетели (в суд были вызваны двенадцать человек) заявили, что раненый, едва придя в себя, сказал: «Меня зовут Карлос Умберто Контрерас Малухэ. За мной гонятся люди из ДИНА. Меня пытали, и я согласился сегодня назвать имена своих товарищей. Но я бежал. Предупредите мою семью — аптека Малухэ в Консепсьоне».

Пока капитан Валенцуэла связывался по радио в «джипе» со своим командованием, с тем чтобы доложить об инциденте и вызвать «скорую помощь», трое гражданских лиц выскочили из подоспевшего голубого «Фиата-125» и, предъявив карабинерам удостоверения агентов ДИНА, втолкнули раненого в машину. Все свидетели, в том числе и капитан, согласны в утверждении, что номер машины был ES388 Сантьяго.

«После того как «фиат» уехал в южном направлении, — заявил водитель автобуса, — капитан карабинеров дал мне приказ уезжать. Мне показалось странным, что не был составлен протокол».

12 ноября 1976 года. 9.30 утра. В аптеке Малухэ в городе Консепсьоне раздается телефонный звонок. Неизвестный рассказывает адвокату Луису Контрерасу о несчастном случае, постигшем его сына девять дней назад в Сантьяго. Он упоминает и о ДИНА.

11.30 того же дня. Отец Карлоса подает официальное прошение «habeas corpus» — единственно узаконенное право родственников: увидеть труп.

16 ноября 1976 года. Дворец правосудия в Сантьяго. Верховный суд постановил провести «соответствующее расследование по делу Контрераса» и послал запросы 6-му комиссариату карабинеров и министру внутренних дел.

23 ноября 1976 года. Место действия то же. Получен ответ от министра внутренних дел: «Карлос Контрерас не находится в состоянии задержания подчиненных мне сил».

ИСЧЕЗНУТЬ В САНТЬЯГО

Джан Карло МАЦЦИНИ,
итальянский журналист

6 декабря 1976 года. Место действия то же. Заслушав свидетелей и изучив «Книгу дежурного», суд вторично обращается к министру внутренних дел с просьбой «конкретно ответить на вопрос: находится ли Карлос Контрерас в тюрьме ДИНА или иной тайной полиции».

29 декабря 1976 года. Место действия то же. Суд производит новый опрос свидетелей. Все показания подтвердились. Во время одного из заседаний была среди прочих показана фотография Контрераса. Опознана всеми свидетелями.

17 января 1977 года. Место действия то же. Новый ответ из министерства: никакого Контрераса знать не знаем; не содержится ни в одной из тюрем или следственной камере. Кроме того, Контрерас не числится ни в одной из больниц или пунктов «скорой помощи». Капитан Валенцуэла на вопрос суда, почему он позволил штатским людям увезти Контрераса на глазах у карабинеров, ответил: «Нам дана такая инструкция — когда появляется ДИНА, вы должны исчезнуть».

31 января 1977 года. Место действия то же. Верховный суд выносит постановление, попросту скандальное для диктатуры: «Господин министр внутренних дел, — говорилось в нем, — обязан немедленно освободить и вернуть все гражданские права Карлосу Контрерасу Малухэ, вне всяких сомнений находящемуся в заключении».

4 февраля 1977 года. Судебные инстанции продолжали свои поиски. Разыскивался хозяин «Фиата-125». Поначалу автоинспекция отказалась дать ответ. Затем запросила время «на поиски». Наконец был получен ответ: «Машина принадлежит Управлению информации (читай — секретной службе) ВВС Чили».

7 апреля 1977 года. Верховный дворец правосудия в Сантьяго. Установлено, что машина, увезшая Контрераса, в тот день находилась в распоряжении генерала ВВС Энрике Руиса Булгера, главы службы безопасности этого рода войск.

9 апреля 1977 года. Министерство авиации, кабинет директора секретной службы. Из Верховного суда получен запрос, содержащий три вопроса (письмо было послано после того, как стала очевидной невозможность добиться явки генерала в суд). Первый вопрос: «Сообщите, пользовались ли вы машиной 3 ноября 1976 года в 11.30 утра. В положительном случае укажите, как вы ее использовали, где был водитель и каково его имя. Второй вопрос: как можно объяснить заявление капитана карабинеров и других свидетелей, согласно которому в вашей машине находилось трое в штатском, заявивших, что они являются агентами ДИНА и потому имеют право отвезти раненого на указанной машине в известное им место? Третий вопрос: сообщите, ведет ли руководимая вами секретная служба учет километража служебных машин?»

1 июля 1977 года. Дворец правосудия в Сантьяго. Получен ответ от Булгера: «Первое: 3 ноября я прибыл в офис в 8.30 утра. Я оставил машину на стоянке и не видел ее до 14.30 — времени, когда я покинул работу. В тот день у меня не было водителя. Второе: не сомневаюсь, что свидетели ошиблись, утверждая, что это была моя машина. Это легко, когда номер состоит из букв и цифр. Тем более это просто, когда злоумышленники меняют номера. Третье: мое управление занимается вопросами специальными и техническими. Случай, о котором вы сообщаете, — не наша область. Четвертое: километраж у служебных машин не регистрируется».

22 июля 1977 года. Место действия то же. Суд передает «дело» в архив. Одновременно становится известным содержание письма, полученного от самого президента республики, генерала Аугусто Пиночета Угарте. Случай уникальный в истории чилийской диктатуры. Он, Пиночет, говорилось в письме, был в курсе «дела» Контрераса и считает, что похищение «необходимо приписать провокационным левым элементам, совершившим его с целью дискредитации хунты и правительства».

Конец процесса, конец всей истории. С тех пор о Карлосе Умберто Контрерасе Малухэ никаких известий. Он исчез, и никто о нем ничего не знает.

Перевел с итальянского Р. СОМОВ

ЗОЛОТОЙ БАДДИ

Рис. В. Чижикова

Джефф ГРИНФИЛД,
американский писатель

Материал, который мы публикуем ниже, взят из нью-йоркской газеты «Виллидж войс». Это глава из романа-памфлета «Кладовая Ника Мегистаса», герой которого принадлежит к весьма распространенной в США профессии: он политический консультант. А точнее — «создатель политических деятелей». Еще точнее — он создает их «имидж», то есть образ: хотите — образ неисправимого демократа, хотите — неисправимого консерватора и аристократа. О том, как эти политические деятели делаются, и говорится в главе «Золотой Бадди». Ситуация, конечно, несколько утрирована, как и положено памфлету, но ситуация от этого утрирования нисколько не теряет в достоверности. Следует также сказать, что публикация появилась в «Виллидж войс» в разгар предвыборной борьбы за пост мэра Нью-Йорка.

Много лет знаю я Никласа Мегистаса, бог знает, сколько кампаний мы вместе с ним провернули, да только никогда не видел я его таким довольным, как в тот день, когда двадцатидевятилетнего Бадди Баума избрали президентом муниципального совета Нью-Йорка.

Был в его радости, конечно, и финансовый оттенок: нет ничего странного в том, что Ник Мегистас занимался кандидатом, который потратил на предвыборную кампанию 2 миллиона 450 тысяч долларов, большая часть которых пошла на связи с прессой (с чего Мегистас получил 22 процента) и на консультантов (с чего Мегистас поимел 93 процента).

Но, надо отдать справедливость Нику, не только корысть двигала им. Потому что в случае с Бадди Баумом Ник убедительно продемонстрировал всем, что при умелом руководстве политического успеха может достичь кто угодно, несмотря ни на какие препятствия.

На пути Бадди Баума было одно такое незначительное препятствие: его невероятная глупость.

Теперь, анализируя все, я пришел к выводу, что искренняя и беспредельная глупость Бадди Баума была в какой-то степени полезна для его политической карьеры: газетные обозреватели были настолько ошеломлены чудовищной глупостью Бадди Баума, что их приводили в восторг самые его ничтожные достижения. Тем более что многие из этих обозревателей искренне жаждали найти хоть что-нибудь, за что они могли бы возлюбить Бадди Баума. Я имею в виду — что-нибудь кроме того, за что они уже любили Бадди.

За его деньги.

Бадди Баум стоил 85 миллионов. Точнее, папа Бадди Баума стоил 85 миллионов, но это ничего не значило, потому что единственным призванием, единственным хобби и единственным наваждением папы Бадди Баума была политическая карьера Бадди Баума. Даже начинающие политиканы Нью-Йорка понимали, что политическая карьера Бадди Баума обещала стать праздником, места на котором хватит всем. Потому никто и не хихикал Бадди Бауму в лицо, потому никто и не припоминал о том, что Бадди Баума выперли из трех колледжей — в том числе и с заочных курсов (его первое письменное задание было возвращено с размашистой надписью на обложке: «Отправитель сего находился в бессознательном состоянии»): в конце концов папа просто купил степень бакалавра гуманитарных наук.

Считалось также дурным тоном упоминание о том, что Бадди Баум — не настоящее имя спокойного и задумчивого парня, который никогда не носил ботинки со шнурками, поскольку завязыванье шнурков было непереносимой ношей для его внутреннего мира. При рождении он был наречен Арнольдом Мандельбаумом, но это папа, Марри Мандельбаум, бывший клубный вышибала и нынешний король кошерной пищи, приказал изменить имя: опрос общественного мнения, проходивший, когда Арнольду было девять лет, показал, что такому имени «не хватает энергичности».

К двадцати одному году Бадди Баум — таково было новое имя — приобрел внушительное досье. Он был вице-президентом фонда Дальних Горизонтов (основатель — Марри Мандельбаум), и его часто видели на политических обедах, во время которых он вручал почетному гостю то ручку-сувенир, то памятное послание или грамоту. (Бадди никогда не просили зачитывать оные: политики — тонкий народ.)

И когда в конце шестидесятых годов Бадди Баум выдвинул свою кандидатуру в законодательный орган города, никто особо и не удивился; а поскольку он был постоянным жителем города и гражданином государства, плакаты не лгали, провозглашая: «Человек, который соответствует всем требованиям». А именно, он соответствовал конституционным требованиям. Если что и смущало некоторых ревнителей традиционной демократии, так это факт, что на предвыборную кампанию в его районе было потрачено 317 тысяч

долларов, в то время как официальный доход Бадди Баума составлял 16 тысяч в год. Были выпущены Бадди Баум-плакаты, Бадди Баум-листовки, Бадди Баум-промокашки, Бадди Баум-авторучки, Бадди Баум-брошюры, Бадди Баум-бумажные сумки для покупок (для тех, кто помешан на сохранении окружающей среды), Бадди Баум-пластиковые сумки для покупок (для пожилых дам, чей голос зависит от прочности кандидатских сумок).

Бадди выиграл, конечно. Семь лет его службы в легислатуре прошли без особых приключений, и, когда начали поговаривать о том, что Бадди Баум метит на более высокий пост, это было воспринято как естественный ход вещей. Тогда Ник и я впервые встретили Бадди Баума, и мы сразу же поняли, что нам предстоит главная битва нашей жизни.

Бадди появился у нас в конторе в конце декабря. Его сопровождали папа Мандельбаум и личный помощник Майкл дель Белло (он шел среди нью-йоркских политиканов под кличкой «Санитар»). Бадди: костюм-тройка от Савиль Роу, сорокапятидолларовая рубашка, двадцатисемидолларовый шелковый галстук, восьмидесятипятидолларовые ботинки и выражение полной кататонии[1] на лице. Папа: облако сигарного дыма и хмурый взгляд.

Мистер Мегистас ввел троицу в кабинет и указал на меня:

— Это Мел Гульбер, мой коллега. Можем ли мы быть вам чем-нибудь полезны?

Марри Мандельбаум выплюнул сигару.

— Мы переводим мальчика в следующий класс, — сказал он. — Я слышал, вы в этом деле соображаете. Я беру вас.

Ник повернулся к Бадди Бауму:

— А как вы считаете, Бадди?

Бадди вдруг выкатил глаза, губы его расползлись в дикую широкую улыбку, и он втянул воздух сквозь стиснутые зубы с каким-то мокрым присвистом: «У-у-у-и-х».

Мегистас вскочил:

— У него приступ! Я вызову «скорую»...

Майкл дель Белло схватил Ника за руку:

— Не стоит, не стоит. Так всегда бывает...

Ник нерешительно сел. Бадди Баум начал произносить речь:

— Настало время, — сказал Бадди, вперившись в пространство, — настало время — настало — сделать президента муниципального совета эффективным деятельным союзником тех, кто обременен чересчур высокими налогами, поскольку...

— Может, вы отдохнете немного, мистер Баум? — спросил я, но Бадди продолжал выталкивать слова:

— Сейчас — не завтра — не в следующем году — пришло время для нового взгляда — серьезного взгляда...

— Бесполезно прерывать, — объяснил дель Белло, — он выучил черновик и не успокоится, пока не произнесет все.

— И как долго это будет?

— Не больше двадцати секунд. Потом он начинает заикаться.

— Минутку, — сказал Мегистас, — я бы хотел получить объяснение агонии, которую мы наблюдали ранее.

— Хорошо, — сказал дель Белло и протянул Бадди лист, сплошь исписанный телефонными номерами, — ты не будешь так любезен позвонить по этим номерам из соседнего кабинета?

— Ладно, Майк, — Бадди энергично кивнул и вышел.

Дель Белло пояснил:

— Он умеет звонить по телефону — узнавать погоду, время... Видите ли, — начал он, осторожно глянув на Марри Мандельбаума, — отец Бадди уверен, что он должен создать новую династию политиков, новых Кеннеди. К сожалению, миссис Мандельбаум не могла больше иметь детей, и потому мистер Мандельбаум возложил все свои надежды на Бадди. А когда обнаружилось, что молодой человек не очень... гм... талантлив...

— Парень дурак, — сказал папа.

— ...то мистер Мандельбаум, конечно, расстроился. Он впадал в ярость и кричал всякий раз, когда Бадди не знал ответа на вопрос. Но дело-то в том, что Бадди никогда не знает ответа, и он знает, что он никогда не знает.

Ник Мегистас, оторопев, глядел на посетителей

— Выходит, — произнес он осторожно, — мистера Баума корежит так всякий раз, когда его о чем-то спрашивают?

Дель Белло кивнул.

Ник задумался. Он всегда относился к клиентам как к лабораторным образцам, но я никогда не видел, чтобы кто-то возбуждал в нем больший интерес. Наконец он сказал:

— Мистер Мандельбаум, я берусь за этот случай, простите, кампанию. Мой гонорар...

— Вы получите его, — перебил Марри Мандельбаум. — Нам пора идти.

Мегистас поднял палец:

— Я бы хотел попрощаться с Бадди.

Дель Белло привел Бадди. Ник протянул ему руку, и Бадди пожал ее — тепло и крепко.

— Неплохо для начала, — сказал Мегистас.

— Три недели тренировки, — кивнул дель Белло.

— До свидания, Бадди, — сказал я. — А куда вы сейчас?

Бадди выкатил глаза, растянул губы: «У-у-у-и-х».

— Извините, — пробормотал Ник. — Мой друг не очень тактичен.

Троица удалилась.

Я сел и уставился на Ника. Казалось, он впал в транс.

— Ну, — спросил я, — что ты думаешь?

— Превосходно, Мелвин, просто превосходно. Никаких идеек, никакого «я», никакой путаницы из фактов, мыслей и желаний, что стояли бы между мной и кандидатом. Скажу тебе, Мелвин, это будет одним из самых замечательных периодов в моей карьере. Мы напишем новую страницу в истории политики, и Бадди Баум будет нашим остро отточенным карандашом.

Как оказалось, он был прав.

Мы начали с внешнего вида. Бадди Баум провел тринадцать лет, добиваясь, чтобы прическа его была такой же, как у президента Кеннеди. Он мазал голову экстрактом хмеля, лосьонами, мазями, заливал все это лаком для волос — и в результате волосы его диким спутанным комом торчали надо лбом.

Мы потратили 650 долларов на лечение у мсье Александра, дабы придать волосам Бадди хоть видимость волос. («Боже, — сказал мсье Александр, бессильно опустив ножницы и позабыв даже про свой тщательно выработанный французский акцент, — я не знаю, то ли мне его обрить наголо, то ли смазать машинным маслом».) Потом мы заказали специальный корсет — надо было выпрямить Бадди, а то он ходил ссутулившись, как обезьяна. Мы надели на него контактные линзы — специально неудобные, чтобы Бадди щурился, а то он всегда дико пучил глаза.

Но я-то должен был заниматься внутренним устройством Бадди — не внешностью, и нет ничего удивительного, что все время, пока шла кампания, я просыпался по утрам, терзаемый головной болью и расстройством желудка. Хотя все связи и реклама были под контролем, о выступлениях перед избирателями не могло быть и речи: Бадди по-прежнему свистел «У-у-у-и-х» в ответ на любой вопрос.

Решение пришло ко мне внезапно, меня прямо-таки озарило — произошло это глубокой ночью, после седьмого стакана виски с содовой и четвертого пакета орешков кешью (о, если бы ученые-диетологи узнали, чем питаются участники предвыборных кампаний, они бы прокляли демократию во веки веков). Я так обрадовался, что тут же помчался к Нику.

— Итак, — сказал я, — совершенно ясно, что Бадди не может выступать на телевидении.

— Или в каком-либо другом месте, — сказал Ник.

— Прекрасно, — сказал я, готовясь к решительному удару. — Я предлагаю: мы возим Бадди по залам, запускаем туда обыкновенных ньюйоркцев, и он просит их задавать ему самые сложные и неожиданные вопросы.

Мегистас глянул на меня с убийственной иронией.

— И что наш чудо-мальчик будет делать?

— Ничего, — сказал я с видом триумфатора.

— Ничего, — повторил Ник.

— Ничего, — подтвердил я.

— Мелвин, — сказал Ник, — иногда мне кажется, я не зря плачу тебе восемь тысяч в месяц.

Итак, с марта по июль, по 450 раз в неделю, Нью-Йорк видел Бадди сидящим перед аудиториями, составленными из ньюйоркцев всех рас, классов, вероисповеданий, полов и комплексов. Бадди Баум сидел степенно, спокойно, чуть наклонившись вперед, и, подперев рукой подбородок, выслушивал вопросы. Время от времени — когда я нажимал на кнопку и его ударяло слабым разрядом электрического тока, — он важно кивал. А специально подобранный солидный ведущий говорил:

— Есть неотложные вопросы, на которые ньюйоркцы хотят получить ответ. И Бадди Баум ответит на них, когда станет президентом муниципального совета. Бадди Баум знает, что не на все он сразу найдет ответ. Но разве не настало время, чтобы кто-нибудь из власть имущих хотя бы выслушал нас?

«Голосуйте за Бадди Баума — он слушает!» — этот лозунг украшал 600 автобусов, 2400 вагонов подземки, три миллиона листовок и буклетов. Когда до первичных выборов оставалось две недели, Бадди Баум был признан несомненным лидером своей партии — и это не произнеся ни единого слова перед публикой!

Но рано или поздно мы должны были продемонстрировать наше дитятко во всей красе: вызовы с телевидения горой громоздились на столе. И потому я не мог понять победного вида Мегистаса, когда

[1] *Кататония — один из синдромов шизофрении. Для больных характерна застывшая мимика. — Примеч. ред.*

однажды днем затащил он меня в свой кабинет.

— Взгляни-ка, что это? — спросил Ник, указывая на деревянную трибуну.

— Это трибуна, — сказал я, продемонстрировав острый ум.

— А ты ничего особенного не заметил?

— Подожди. Здесь кабель. — Электрический кабель шел от основания трибуны. Я последовал за ним и уткнулся в портативную пишущую машинку.

— А теперь обойди и глянь внутрь трибуны, — сказал Ник.

Я увидел вмонтированный в столешницу телеэкран: набранный на машинке текст тут же появлялся на экране.

— Ох, — произнес я, охваченный благоговейным ужасом, — боже мой... Но как ты протащишь эту штуковину на студию?

— Мне помогут две вещи, — сказал Ник. — Во-первых, моя репутация. Поскольку я известен как человек, ответственный за имидж претендента, я буду требовать, чтобы трибуна, с которой будет выступать Бадди Баум, соответствовала его комплекции. Телевизионщики согласятся, не сомневаюсь, потому что живут они по одной заповеди: «Не создавай себе проблем». Во-вторых, я выдам каждому технику, обслуживающему передачу дебатов, по стодолларовой бумажке. Запомни этот жизненный урок, Мелвин, — сказал Мегистас серьезно. — Если ты хочешь совершить преступление и остаться безнаказанным, приведи свою жертву на телестудию и заплати всем техникам. Нет ничего, что бы они не сделали за деньги.

Ник все блестяще подготовил.

Я должен был занять комнату отдыха — там стоял монитор, и я мог видеть все, что происходит в студии, мою машинку подключили к трибуне, а Бадди вдолбили, чтобы он делал паузу после каждого вопроса. Я, услыхав вопрос, должен был сразу же набирать ответ.

И вот воскресенье. Студия Даблъю-Си-Эн-Би.

— До выхода в эфир три минуты, — крикнул режиссер. — Кандидаты, займите свои трибуны — проверка звука.

Я уселся за машинку, готовый выдать какую-нибудь милую шуточку для проверки голоса Бадди, как вдруг дверь распахнулась, и в комнату вошел благообразный старик. Он держал за руку пятилетнюю девочку, всю обвешанную медвежатами, собачками, пакетиками со сластями, а с шеи свисала коробка со стодолларовым платьем от Пьера Кардэна.

— Простите, — сказал он, — я не знал, что здесь занято. Меня зовут Рейнольдс Роджерс, я президент Даблъю-Си-Эн-Би, а это моя прелестная внучка Летиция.

— Рад познакомиться, — я не спускал глаз с монитора.

— Две минуты до выхода в эфир, — сказал режиссер.

— Ой, машинка? — спросила Летиция. — А я умею печатать!

— Девяносто секунд до выхода в эфир, — сказал режиссер.

— Хочешь поиграться с машинкой? — спросил Роджерс.

— Угу, — сказала Летиция, а я успел только слабо подумать: где здесь поблизости пункт реанимации?

— Вы же не работаете на ней, да, приятель? — спросил Рейнольдс Роджерс, энергично сталкивая меня со стула. — Вот и бумага не заправлена. Ну, давай, Летиция.

— Одна минута до эфира, — сказал режиссер, а Летиция начала стучать. «Может, — подумал я с надеждой, — кто-нибудь подложил в студии бомбу?»

— У меня есть собачка, — произнес Бадди Баум.

— Спасибо, — сказал режиссер. — Сорок пять секунд...

— У меня была и кошка, только кошка умерла, — произнес Бадди, а Летиция продолжала печатать.

— Прекрасно, мистер Баум, прекрасно, — сказал режиссер.

— А в прошлое воскресенье я ходила в зоопарк и видела там обезьянок, — Бадди Баум произносил, Летиция печатала.

— Прекрасно, сэр, хватит! Тридцать секунд до эфира.

— Обезьянки испачкали клетку, — Бадди Баум говорил, Летиция печатала.

— Двадцать секунд до эфира.

— Потом одна обезьянка взяла каку и стала кидать в людей, — Бадди Баум говорил, Летиция печатала.

— Десять секунд.

— Кака попала на мой шарик, — сказал Бадди Баум, а на экране монитора появилось полное ужаса лицо Ника.

— Дедушка, — сказала Летиция, — мне не хочется больше печатать.

— Хорошо, деточка, давай посмотрим эту передачу, — сказал Рейнольдс Роджерс, снимая девочку со стула — и вовремя, ибо еще секунда, и я пробил бы ею окно. Я воткнул в машинку бумагу — для маскировки — и начал колотить по клавишам.

— Моя племянница недавно рассказывала мне все это, — произнес Бадди Баум с трибуны, — разве не замечательна эта детская непосредственность, это отсутствие предрассудков?

— Эфир! — рявкнул режиссер.

В течение первой десятиминутки система работала безотказно. Но потом маленькой Летиции надоело забавляться с ручками регулировки цвета, она вскочила и нагло заявила:

— Хочу мультяшки!

— Хорошо, — улыбнулся довольный дед, — это моя станция, значит, мы найдем прекрасную мультяшку для тебя, дорогая.

И он переключил канал, отрезав мне всякую возможность знать, о чем говорится в студии. Летиция захлопала в ладоши — на экране показалась белочка Натси, а я глядел сквозь стекло, пытаясь понять, что происходит. Но вмешалось божественное провидение: дебаты были прерваны рекламой.

Я вылетел из комнаты, сбежал по железным ступенькам, ворвался в студию и схватил Майкла дель Белло.

— Ура, — сказал он, — все идет отлично.

— Слушай, — зашептал я, — нет времени объяснять, но, как только услышишь вопрос, рви ко мне наверх и говори, о чем он. Как только услышишь, черт побери...

Я помчался назад и успел как раз вовремя: белочка Натси и собачка Билли лупили друг друга по голове бутылками.

Через секунду дверь отворилась, и в комнату влетел запыхавшийся Майкл:

— Господи, эти ступеньки... они спрашивают о домах для низкооплачиваемых...

Он исчез, и я услышал, как загрохотали ступеньки.

Я быстро набрал ответ («Ну, Ральф, я не из тех, кто думает, что на непривилегированную часть общества можно не обращать внимания, но Нью-Йорк — город достаточно обеспеченных людей, и мы должны...») и ждал.

— Ух... пух... пух... наркомания...

Дель Белло исчез.

Но тут дело приняло крутой оборот: кандидаты отвечали на вопросы по очереди, и теперь первым должен был отвечать Бадди, так что дель Белло никак не успел бы добежать.

— Ну, Ральф, — набрал я, а Бадди сказал, — у меня есть на этот счет серьезные соображения, но я все же хотел бы послушать, как ответят мои коллеги. Я уверен, что кандидат, который не слушает, что говорят его оппоненты, недостоин...

Майкл дель Белло приоткрыл дверь:

— Они... они... ух... ух... хотят... ух... узнать... ух... о сокращениях среди работников... о-о-й... муниципалитета...

Я предал атеизм и горячо возблагодарил господа: нам удалось навести самый взрывной и тяжелый вопрос нью-йоркской политической жизни на оппонентов и в то же самое время (как я потом узнал) заслужить аплодисменты газеты «Таймс» — она отмечала «беспрецедентное желание Бадди Баума выслушивать все мнения» — и «Пост» — она обозвала Бадди Баума «лучом света в темном царстве политики».

Я взглянул на часы: времени оставалось только на один вопрос. Я услышал, как дель Белло поднимается по лестнице. Шаги его становились все тяжелее, все медленнее, бум-бум-бум — так идут за катафалком, потом слабое шевеление... Я распахнул дверь, за нею стоял неподвижный Майкл дель Белло:

— Они... спрашивают... о...

И он рухнул, как подкошенное дерево.

Я взглянул на монитор. Белочка Натси сталкивала летучую мышь со скалы. Бесполезно было упрашивать Летицию дать мне посмотреть дебаты. Что же касается Рейнольдса Роджерса, то он обалдело взирал на тело Майкла дель Белло.

У меня не было выхода.

— Ральф, — напечатал я, а Бадди сказал, — я не собираюсь уходить от вопроса — вопроса, составляющего сердцевину нью-йоркской жизни. Но в те несколько минут, что мне остались, я хотел бы сказать о духе этого города... о духе Гарибальди, Парнелла, Бен Гуриона, Боливара, Криспуса Аттокса, Коперника... Он живет в нас, этот дух гениальности...

Майкл дель Белло поднял голову:

— Работа... — сказал он и отключился.

— Работа? — произнес Бадди. — Да, работа — это очень важно. И только когда мы сможем использовать умы и мускулы всех ньюйоркцев, сможем мы превратить этот город в земной рай — рай, где сбываются все надежды... Спасибо за внимание.

Через окно я увидел, что шоу окончено. Мегистас вел Бадди сквозь толпу восторженных репортеров. Летиция хихикала: белочка Натси запихивала кошку Фелицию в мясорубку. Рейнольдс Роджерс бил Майкла по щекам и обмахивал его папкой «Обязательных исключений из правил». Я быстренько отключил и накрыл машинку, побежал к автомобилю. Мегистас и Бадди уже ждали меня. Ник рыдал от радости.

— Мелвин, — сказал он мне, — мечта каждого политического консультанта осуществилась. Мы ликвидировали институт посредников.

Бадди Баум неуверенно улыбался.

— А как я? — спросил он.

Мегистас счастливо ощерился:

— Парень, — сказал он. — Ты оправдал все мои надежды. Ты был абсолютно ни при чем. Разве это не замечательно?

— У-у-у-и-х, — сказал Бадди Баум.

Перевела с английского Н. РУДНИЦКАЯ

ЖЕНЩИНА И МОРЕ

Тереса РЕМИШЕВСКАЯ

Вы когда-нибудь задумывались: смогли бы вы переступить, выйти за круг обыденного, предсказуемого, ожиданного? Нет, не тогда, когда из этого круга выталкивают вас обстоятельства — бывает, что обстоятельства вынуждают нас совершать поступки невероятные. Здесь другая ситуация: выйти из круга совершенно добровольно, совершив действие, кажущееся чересчур здравому стороннему наблюдателю странным, извините, нелепым даже...

Героиня наша, польская яхтсменка Тереса Ремишевская, переплыла на яхте «Комодор» Атлантику. Что заставило ее, человека, в общем-то, совсем не морской профессии — психолога, да к тому же мать двоих детей, подвергнуть себя такому риску? По материалам своего судового дневника она написала книгу «В горечи соли моя радость», эта книга, отрывки из которой мы публикуем ниже, рассказывает о том, как училась Тереса преодолевать себя и обстоятельства — а это, согласитесь, нужно не только в океане...

Кстати, Польша вообще славится такими «чудачками»: взять, к примеру, Ивону Ленкову, принимавшую участие в кругосветном плавании на экипажной яхте. Или также совершившую кругосветное плавание капитана Кристину Хайновскую-Лескевич (мужчины мстительно называют ее «корсаром Балтики»)...

А Тереса Ремишевская готовится сейчас к новому плаванию, на этот раз — кругосветному.

Экипаж «Комодора» состоит из капитана, боцмана, кока, механика, офицеров и простых матросов, весит в сумме 50 килограммов и имеет 158 сантиметров роста. А главное, живет в полном единодушии, и это огромное преимущество одиночного плавания — никаких ссор и разногласий. Случается, конечно, что кок, взбунтовавшись, отказывается готовить горячее или боцман тянет с уборкой кладовки, но тогда в дело энергично вмешивается капитан и решает конфликт своим авторитетом.

Я маленького роста, и мои скромные габариты часто вызывают удивление: людям кажется, что яхтсмен должен быть непременно широкоплечим, бородатым и обладать роскошным басом. Во мне же нет ничего героического, и многое вызывает у меня страх: боль, кровь, экзамены, но я не люблю сидеть сложа руки и дуться на жизнь, когда она выставляет свои локти. Поэтому, несмотря на подавленность, обиду и тревогу, я закатываю рукава и принимаюсь за дело. Далеко не всегда это приносит победу, но обязательно — облегчение, потому что активность и труд — лучшие лекарства от всех бед. Когда мне встречается что-нибудь по-настоящему плохое, я говорю себе: нужно это перетерпеть! И в конце концов всегда наступает минута, когда над головой снова сияет солнце.

Не позволяйте злобным мыслям отравлять вам жизнь!

(Начало плавания — всегда самая трудная часть пути. Шестой день оказался для капитана «Комодора» днем неудач: вышел из строя генератор, потом радио, заело петли у открытой крышки люка, из-за штормовой погоды было невозможно определить положение яхты. Беды хотя и не обязательные, но никак не сверхъестественные.)

Для меня навсегда останется тайной, почему именно в тот день отвалились дверцы у моей камбузной плиты. Все остальные неурядицы легко объяснить спешкой перед стартом, но дверцы? Нет, эту печку мне не иначе как злые духи околдовали!

Я просто начинаю бояться, со мной сегодня что-то не то: что я сегодня ни делаю, все валится из рук, за что ни возьмусь, все выходит из строя.

И вдруг неожиданно для себя я срываюсь и кричу во все горло: «Не хочу! Не дамся! Не позволю! Хватит!»

Этот крик действует отрезвляюще: никто меня не слышит, никто никогда об этом не узнает, но мне делается стыдно. Я ложусь на койку, укрываюсь с головой и твержу про себя: «Спокойно, спокойно, спокойно...»

Мне вспоминается, как перед самым стартом один Очень Мудрый Капитан, настоящий человек моря и мой истинный друг, давал мне советы: «Следите за тем, чтобы у вас были сухие ноги и хороший аппетит — заботьтесь о здоровье. В конечном счете все в ваших руках. От вашего здоровья и самочувствия зависит безопасность яхты. А главное — НЕ ПОЗВОЛЯЙТЕ ЗЛОБНЫМ МЫСЛЯМ ОТРАВЛЯТЬ ВАМ ЖИЗНЬ. Повод для них всегда найдется. Они способны пустить прахом любое ваше усилие, лишить смысла само ваше существование...»

Да, я буду бороться со злобными мыслями. Не буду поддаваться на провокации судьбы! Нужно принять сложившуюся ситуацию и делать то, что в моих силах. Я справлюсь — мне по плечу любая работа, авария, неполадки. Может, они затем и нужны, чтобы ценность моих усилий стала больше? Все зависит только от меня. И сломанная плита, и отказавший генератор, и вытекшее топливо — все это лишь испытания моей решимости. Если я верю в себя, нечего отворачиваться от неурядиц. Главное — это море. Я же хочу быть в море! Это верно, что я здесь одна и никто не видит, что и как я делаю, но нужно беспощадно спрашивать с себя, как будто на меня смотрят тысячи зрителей. Посмотрим, чего стою я, Тереса. Под давлением обстоятельств, под влиянием минуты люди иногда отказываются от собственных принципов. Трудно — вот и даешь себе отпущение грехов, забывая, что лицо жизни ты ваяешь сам. Нет, не хочу стать озлобленной, выжившей из ума истеричкой! Улыбка усталого, истерзанного морской болезнью существа стоит дороже, чем самые изящные манеры суперяхтсмена на

на стр. 24 ▶

ПРОШЛОЕ В ЖИЗНИ И В КИНО

Первой жертвой на войне падает правда — это присловье часто вспоминали в Америке во времена вьетнамской авантюры. Но правда приносится в жертву и до войны — для оправдания ее начала, и после войны — для успокоения совести!

После долгого молчания американское кино готовится «выстрелить» десятком картин, посвященных вьетнамской войне. Пока рано говорить о содержании этих фильмов, тем более что оно тщательно скрывается. (К примеру, Френсис Коппола, отснявший фильм «Апокалипсис сегодня», сейчас занят зондированием общественного мнения, с тем чтобы при конечном монтаже «повернуть» картину в ту или иную сторону.) От реакции зрителей зависят доходы студий! Но ясна озабоченность многих американцев стараниями подогнать историю войны во Вьетнаме в привычные рамки приключений «славных парней».

По этому пути пошло и телевидение, запустившее серию фильмов под названием «Класс-65». Речь в них идет о судьбах тех, кто в 1965 году были мальчишками. Ни одна из этих судеб не связана с Вьетнамом, хотя в Индокитае погибло 50 тысяч «мальчишек-65».

Том Хейден, лидер американских «новых левых», член «чикагской семерки», считает, что волна «вьетнамских» фильмов появилась в расчете на то, что многие «американцы за эти 5 лет смогли переварить тот период истории... и теперь из него вполне можно соорудить удобный фон для историй о любви, насилии, героизме. Фон ничем не хуже, чем вторая мировая война и Дальний Запад».

Возможно, американский обыватель и готов к такой перелицовке истории, но есть в Америке и другие люди, для которых Вьетнам остался символом позора и несправедливости. Таких, как ветеран войны, инвалид Рон Ковик, написавший гневную книгу, преисполненную состраданием к жертвам войны, — «Рожденный четвертого июля».

КОНЕЦ СЛАДКОЙ ЖИЗНИ

«Мотта», «Алеманья» — эти названия известны в Италии не хуже, чем ФИАТ. Основанные еще в начале века, эти две фирмы сладостей до недавнего времени не знали конкуренции на рынке конфет, печенья, тортов и прочего. В золотую пору одна «Мотта» выпускала ежедневно 1300 центнеров, то есть 35 километров кексов и куличей, продававшихся не только в Италии, но и по всей Западной Европе.

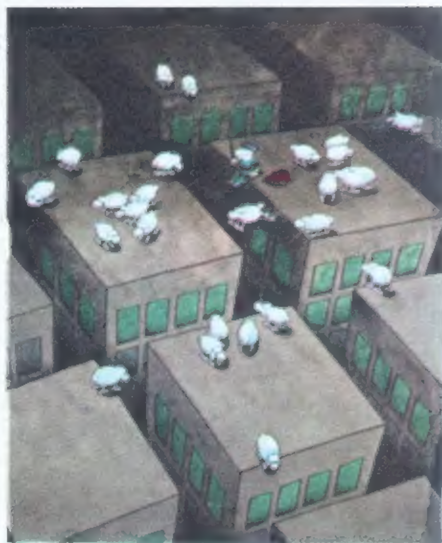
Похоже, все это в прошлом. Обе фирмы, не так давно национализированные, доведены до полного краха. Представители профсоюза, заявившего о занятии всех помещений фирмы, считают, что разваливание работы национализированных предприятий — сознательная линия буржуазии, напуганной возможным приходом к власти левых сил. В результате пяти тысячам рабочих и служащих фирмы грозит увольнение.

МИР ЧАПЛИНА

И смерть, как известно, не избавила Чарли Чаплина от столкновений с нравами общества, доставившего ему немало душевных травм. Неизвестные вандалы-вымогатели выкрали гроб с телом великого актера.

Сам же Чаплин и после смерти продолжает радовать нас все новыми чертами своего обаяния и душевности. Пресса многих стран публикует новые фотографии, в том числе и из семейного архива, расширяющие наше представление о многогранной натуре Чаплина. В доме актера бывали самые разные гости; на этом снимке вы видите, как Чаплин дирижирует аргентинским цыганским ансамблем «Монитас дель Плата».

А ЧТО РИСУЮТ?

Баранье место под солнцем.

ЛЮДИ ГИБНУТ ЗА МЕТАЛЛ

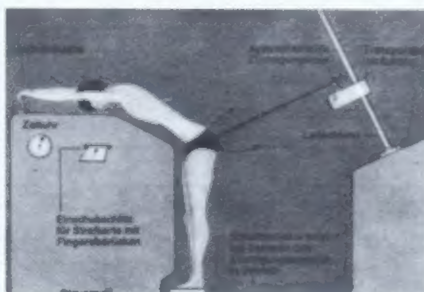
Париж, Лондон, Потоси, Рим... В этом списке третий явно лишний: как можно сравнивать захудалый боливийский городок с прославленными столицами мира? А вот испанец времен Сервантеса удивился бы только тому, что Потоси не поставлен на первое место, ибо в XVII веке он едва ли уступал в богатстве Парижу и Лондону. «Богатейший Потоси, хранитель сокровищ мира, король среди гор и зависть всех королей» — эти слова были выгравированы на городских воротах. Дело в том, что город этот родила гора, начиненная чистейшим серебром. Но ничто не вечно, и серебро Потоси тоже. Однако по вековой традиции сотни обитателей этого полувымершего города все еще дырявят гору первобытным способом, пытаясь отыскать крохи былых богатств.

НЕ ПРИКЛАДАЯ РУК

Помните, в «Ревизоре» городничий утверждал, что унтер-офицерская вдова сама себя высекла. Если бы дело происходило в ФРГ в наши дни, ему бы охотно поверили. Там недавно выдан патент на изобретение машинки для автоматической порки. Идея давно вынашивалась 70-летним изобретателем Отто Тизенгаузеном, так как еще в детстве он имел возможность убедиться в несовершенстве дедовского способа (рисунок справа), какой, впрочем, до сих пор широко применяется в западногерманских школах. Тизенгаузен авторитетно заявляет, что порка — тяжкий труд для порющих, и в век НТР пора наконец его рационализировать. Прогресс, как видите, налицо.

БЕЛЫЕ НОЧИ ЧЕМПИОНА

Швед Ингемар Стенмарк — непререкаемый чемпион мира среди горнолыжников. Он совершил то, что раньше казалось невозможным, по крайней мере, не удавалось никому: выиграл Кубок мира в середине сезона, задолго до окончания запланированной серии встреч.

Как считают спортивные обозреватели, причина такого небывалого успеха 21-летнего шведа не столько в его физических данных, сколько в фанатической преданности лыжам. Жители небольшой лапландской деревушки Тарнаби, где живет чемпион, регулярно наблюдают, как Ингемар, пользуясь долгими белыми ночами, тренируется до 11 вечера. Как видите, не так-то легко оправдывать лихие эпитеты «монстр» и «убийца рекордов».

СЕРВИС. Что можно сделать в США на автомобиле? О, очень многое. Например, позавтракать в специальных закусочных типа «Jack in the box» — «Джек в коробке». Достаточно припарковаться к стойке, и официант подаст вам в автомобиль сосиски или котлету. Припаркуетесь к окошку дорожного банка, вам тут же разменяют деньги. Можно, наконец, посмотреть фильм в кинотеатре под открытым небом, не выходя из автомобиля. А недавно одна предприимчивая фирма в штате Луизиана организовала для автомобилистов... кладбище. Родственники и знакомые покойного отныне имеют возможность посмотреть на усопшего через специальное смотровое окно в катафалке и поставить свою подпись в книге для соболезнований, опять же не выходя из автомобиля. «Мы хотели позаботиться о деловых людях, у которых нет времени для долгих похорон, но которые хотели бы выразить свое соболезнование, хотя бы и мимолетное», — сказал президент фирмы Алвин Веретт.

ПРОБЛЕМЫ ГОРОДА. Давно уже на заседании ливерпульского муниципалитета не разгорались такие страсти, как было это 20 октября 1977 года. На повестке дня стоял единственный вопрос: установка монумента группе «Битлз». Мнения отцов города разошлись. Одни — помоложе — утверждали, что «Битлз» сыграли огромную роль в истории музыки, и где же им ставить монумент, как не в Ливерпуле, тем более что кампания по сбору средств на него дала 18 тысяч фунтов. Другие — постарше — заявляли, что «Битлз» не дали городу ни пенса, да и нравственность от такого акта может пострадать (правда, каким образом — непонятно). Было проведено голосование, в результате которого стало ясно, что место, уже расчищенное для статуи напротив «Кэверн Клаба», где родились «Битлз», пока останется пустым.

▼ со стр. 21

чудо-яхте. Я заставлю себя улыбнуться, и это будет здорово!

Нет, в самом деле, чего я тут лежу, перемазанная машинным маслом? Этот прозаический вопрос неожиданно примиряет меня с жизнью, им я заканчиваю свои философские упражнения и, натянув штормовку, приношу воды и моюсь — а что, собственно, остается?

Я где-то слышала, что английские сагибы были такие чудаки, что переодевались к обеду в смокинг в самых безлюдных и заброшенных уголках мира. На этом, наверное, держалась вся Британская империя. И это вовсе не так смешно, как может показаться. Они тем самым заявляли себе и миру, что все идет КАК ПО-ЛО-ЖЕ-НО и что при всех обстоятельствах они остаются собою. Крайность? Наверное. Но была в этом завидная непреклонность, которая скорее всего шла от большой уверенности в себе — а может, наоборот? Может, это помогало им овладеть собою в трудную минуту?

Так и быть, я не буду переодеваться в вечернее платье, для этого, кстати, и температура низковата, но на свой лад постараюсь сохранить лицо. Для самой себя.

После обильных омовений пригоршней пресной воды с ложкой оливкового масла я чувствую себя намного лучше и решаю послушать музыку — с ней и ночь быстрее пройдет. Нахожу кассету с моим любимым «искрящимся» концертом Паганини, вставляю ее в магнитофон — так, этим меня не удивишь: не работает! Сидя на корточках, я целый час пытаюсь привести механизм в движение с помощью испытанного средства — шпильки для волос, но из этого, конечно же, ничего не выходит. Со вздохом заворачиваю все в целлофан и прячу в шкафчик — о музыке можно больше не беспокоиться!

Утром я делаю поворот и иду курсом 320°. Все, наконец-то можно лечь! Разворачиваю пижаму, и — трах! — она рвется у меня в руках. Тут уж я не могу удержаться от смеха. Улегшись, я весело подсчитываю свои сегодняшние потери. Пожалуй, хуже всего пижама — терпеть не могу штопать!

Тибетское искусство подымать тяжести

Настоящий пляжный день. Едва заметная волна, неправдоподобно тихо. На палубу можно смело поставить стакан чаю — ни капельки не расплещется.

Я решаю взяться за починку «авторулевого». Прибор весом в 25 килограммов прикреплен за кормой. Его нужно отвинтить, перевернуть, поднять над релингами (80 сантиметров высотой) и втащить на палубу. Все это на вытянутых руках.

Первым делом найтовлю его линем — хороша бы я была, если бы упустила его в воду! — и делаю первую попытку. Ну и тяжеленный, собака! Несмотря на крайнее напряжение мышц, удается лишь чуть-чуть сдвинуть его.

Вторая попытка: широко расставив ноги, нагибаюсь, напрягаюсь, тащу — и чуть не падаю за борт! Еще мгновение, и был бы «человек за бортом»! Тогда я привязываюсь к релингам и делаю третью попытку: набираю побольше воздуха, тащу... дальше... нет, слишком медленно — не хватает дыхания... все — больше не могу!

Четвертая, потом пятая попытка. Растягиваюсь без сил на палубе. Язык распух, хочется пить.

Еще раз! Я опять без сил. Сажусь, отдыхаю и жадно пью. Впервые задумываюсь: а стоит ли игра свеч? Стоит! Стоит, черт побери! Хотя бы для того, чтобы моя взяла на этой дурацкой посудине!

Начинаю опять, на этот раз более спокойно. Медленно... потихоньку... чтобы хватило сил... чтобы хватило сил тащить эту махину до конца дней... еще... еще... нет!

И тут мне вдруг вспоминается лыжная база в Калятувках. Нас целая компания, мы катались с гор, и нам очень весело. Все настроены несерьезно. Анджей хочет показать нам тибетское искусство подымать тяжести — он все время пичкает нас этим своим Тибетом, с которого только что вернулся. Сейчас он проделывает множество загадочных пассов, которые вызывают у нас все новые и новые приступы смеха, потом сажает в кресло могучего Януша, а нас четверых ставит вокруг. «Спокойно! Сейчас Януш станет невесомым! Пусть каждый из вас положит левую ладонь ему на темя, а указательный палец правой руки подставит под кресло. По моему знаку все должны поднять руки. Увидите, что будет. Да не хохочите так, черт вас возьми! Я не шучу!» Однако никто не принимает происходящего всерьез. Горит свет, не видно никаких «духов». Собрались люди здравомыслящие, с высшим образованием, рационалисты. И тем не менее почти против собственной воли мы ПОДЫМАЕМ В ВОЗДУХ КРЕСЛО С СИДЯЩИМ В НЕМ ЯНУШЕМ!

Перед рейсом Анджей сказал: «Удачи тебе и попутных ветров! А подарком от меня тебе послужит этот тибетский секрет. Вспомни его, и ты справишься с любым грузом, даже с непосильным...»

Все это проносится в моей голове за доли секунды и, как тогда, на базе, вызывает недоверие и скептицизм. Где же твои чары, Анджей?

...Я все тащу... набираю побольше воздуха... мир темнеет, сереет... я проваливаюсь в бездну внутри самой себя... сердце как молот... еще... еще.

ГОТОВО — ВТАСКИВАЮ ЭТУ ГРОМАДИНУ НА ПАЛУБУ!

Бессильно растягиваюсь и никак не могу отдышаться. Все вокруг светлеет, набирает цвет, делается радужным. Жадно глотая воздух, я недоуменно спрашиваю себя: что это было? И хотя я не верю в чудеса, я от души благодарна за «волшебный» подарок.

Самое трудное — не бояться жизни!

Всю жизнь меня преследует число 13, не знаю, счастливое оно или несчастное, только немало важных для меня событий произошло тринадцатого. На этот раз треснула мачта «Комодора».

Я стою под этой несчастной мачтой, судорожно схватившись за штаги, потому что меня не держат ноги. Это странно — ведь я не испытываю ни малейшего волнения. Только в горле стоит какой-то омерзительно горький ком, и я никак не могу его проглотить, даже начинаю давиться. Закусываю губы, непонятно зачем, — я же совершенно спокойна. Только очень больно внутри — как будто меня разорвали пополам. Полоснули легкие, печень, желудок, я просто развалюсь сейчас на части. Нужно покрепче держаться за этот штаг, тогда останется хоть крохотная надежда както воссоединить тело. Иначе наступит конец.

Полное оцепенение. Никаких эмоций. Только невозможно глаз оторвать от этой мачты. Почему? Ну почему это должно было со мной случиться?

Наконец удается сделать глоток. Сладковатый вкус крови вперемешку с горечью соли, осевшей на губах, приводит меня в чувство. Я облизываю пересохшие губы, выпрямляюсь и наконец овладеваю собой.

Очень ли ослаблена моя мачта? Значит ли это, что мне не доплыть до цели и придется выйти из соревнования?

Я стискиваю зубы, чтобы не закричать.

Вот и все. Я ПРОИГРАЛА РЕГАТУ. Остается только одно — бороться за то, чтобы пересечь Атлантику своими силами, не прибегая к чужой помощи и не подымая суматохи... Постепенно я прихожу к единственно возможному решению — идти дальше, сколько удастся Самое трудное — не бояться жизни. Стисни зубы и прими все как есть. Хитрить нечего. Нужно выстоять.

Я снова и снова твержу себе, что роптать, злиться и винить других запрещается: никаких недобрых мыслей! Пытаясь подавить горечь, я стараюсь думать о будущем, а не о прошлом, и задаваться вопросом «как», а не «за что».

В такие минуты я пытаюсь представить себе своих соперников: где они? Я чувствую нашу кровную связь: удачи вам, друзья!

За что я люблю одиночество

Целый день я делаю наблюдения. Солнце, правда, тонет в дымке, но через темный фильтр его прекрасно видно, и после полудня положение «Комодора», разными способами подсчитанное и выверенное, определено совершенно надежно. Чистая и спокойная капитанская работа за столом, потом чай с сухофруктами — полный комфорт! Ах, если бы не ветер, который снова улегся спать за горизонтом, настроение было бы чудесное. Но яхта дрейфует, и я грустно варю обед, ем его без аппетита, потом иду выбрасывать остатки за борт. Нагнувшись над релингом, вдруг замечаю вынырнувший из ранних сумерек нос большого судна. Я так и застываю с тарелкой в руках. Сердце громко стучит. От радости, от нетерпения...

Оно уже совсем близко, в каких-нибудь двухстах метрах, нет, даже ближе, вот оно разворачивается ко мне бортом, и я вижу отчетливую надпись: «Coast Guard U. S. A. Winnibago» [1].

Я сую свою дурацкую тарелку в мойку и хватаю бинокль: на капитанском мостике непонятное движение, много людей. Впервые вижу их за целый месяц плавания — нет, я не одна в этом мире...

Срываюсь в кабину и лихорадочно выгребаю из шкафчика множество разных предметов — спешу достать рупор. И, не оглянувшись на груду вывороченных вещей, выбегаю на палубу и кричу:

---

[1] *«Морская пограничная служба США. Виннибаго»* (*а н г л.*).

«Polish yacht «Komodor», in singlehanded race, my name is...[1]. У меня не работает радио и поврежден генератор, прошу оповестить станцию «Гдыня-радио», повторяю: «Гдыня-радио», на польской яхте «Комодор» все в порядке».

Слышат ли, понимают ли они меня?

Через несколько минут я вижу, как по палубе все быстрее начинают сновать люди. Одни спускают трап, другие собрались у релинга, кричат, машут руками. Что-то они туда-сюда носят, зачем-то надевают спасательные жилеты — что это они такое делают?

На мостике одиноко стоит капитан. Вот он подносит к глазам бинокль и долго рассматривает «Комодор» и меня. И тут я соображаю, что на мне свитер с продранными локтями, сползающие брюки, для верности подвязанные линьком, и слипшиеся от соли волосы стянуты резинкой на макушке.

Но от борта уже отделяется катер и направляется в мою сторону. Поздно! Мне уже не успеть ни причесаться, ни умыться. (Куда, кстати, запропастилось зеркальце?) Делать нечего, остается только сделать «приятное выражение лица». В этот момент я чувствую сильную боль в простуженном боку и бессознательно хватаюсь за него, но тут же спохватываюсь: сиди прямо и безмятежно улыбайся — никаких компрометаций. Я стараюсь как можно веселее улыбаться и сажусь, привалившись спиной к пристройке, чтобы скрыть недостатки в туалете и докучливую боль в боку.

Катер уже близко, я показываю рукой дистанцию, предписанную правилами: к борту прикасаться запрещено. Гости выключают двигатель, и мы знакомимся:

— Польская яхта «Комодор», яхтсменка...

— Yes, yes, — знаем — Ремисцевская (им трудно дается моя фамилия). Счастливы, что встретили тебя, Тереса, ты — brave girl! [2]

Я осторожно выпрямляюсь и перевожу дыхание, не переставая улыбаться, чтобы они не заметили, как далеко мне до этого определения.

В катере десять парней, все в беретах набекрень и спасательных жилетах, все сверкают белозубыми улыбками и смотрят на меня, как на привидение или марсианку. Офицер с курчавой белокурой бородкой элегантно козыряет, представляется: Джон такой-то, второй офицер патрульного катера США.

Мне делается неловко, и я начинаю что-то быстро-быстро говорить, снова про генератор, про радио, повторяю просьбу о «Гдыня-радио».

Офицер снова отдает мне честь, кланяется, делая смешные попытки удержать руки по швам в колышущемся суденышке, и заверяет меня, что все будет передано незамедлительно.

Потом мои гости запускают двигатель и обходят «Комодор» со всех сторон, сдержанно, но с любопытством заглядывая на палубу.

Они славные, эти ребята, очень свойские, явно рады встрече.

— Тебе ничего не нужно? Давай мы исправим генератор!

— Спасибо, нельзя, — правила запрещают прибегать к чьей бы то ни было помощи.

— Как же ты поплывешь без огней?

Я смеюсь:

— Я уже месяц так плыву, прошла половину Атлантики. А кроме того, у меня есть... — тут я запинаюсь: как же по-английски «керосиновые лампы»?

Нет, лучше я их покажу, решаю я. Бегу и выношу одну из них, чтобы морякам стало ясно, о чем идет речь.

При виде моей лампы раздается взрыв хохота, ничего подобного мои гости, наверное, в жизни своей не видели.

Они подходят чуть ближе, я тянусь через релинги и беру у офицера листок бумаги — там название катера, время и координаты. Это минута моего навигационного триумфа: цифры почти не отличаются от моих!

В ответ на мою радостную улыбку офицер кричит:

— Хорошая навигационная работа! Удачи и доброго пути!

Пора прощаться. Теперь все парни отдают мне честь. В этих апельсиновых жилетах, очень серьезные, они стоят навытяжку, раскачиваясь в шлюпке. И я снова сконфужена — они такие трогательные и забавные одновременно.

Они машут на прощание:

— Good luck, Teresa!

— Good luck, boys! [1]

В тумане еще долго слышен звук сирены. Наконец белый след кильватера разглаживается, и судно исчезает во мгле.

Меня захлестывают гордость, радость, сожаление; чувства так сложны и перемешаны, что не могу разобрать, чего больше. Наконец я успокаиваюсь. Тихо. Пусто. И кажется, что встреча привиделась мне во сне, из которого я возвращаюсь на свое место, в свой мир, где я живу и буду жить всегда. По воде бежит рябь — ветер. Наконец-то! Я ставлю паруса, привожу в порядок камбуз, и этой привычной суете сопутствуют непривычные мысли.

Правду сказать, я не чувствую ничего особенного. Конечно, хорошо, что обо мне сообщат домой. Но по мне, уж лучше быть одной с этим колющим боком, надтреснутой мачтой и сломанным «авторулевым», чем улыбаться и бодриться через силу. Здесь никто меня не оценивает, не судит и не жалеет. Что бы и как бы я ни сделала, я остаюсь сама собой. Я могу быть такой, какая есть. Это вовсе не значит, что я питаю неприязнь к этим славным парням или вообще к людям. Ничего подобного! Именно в океане чувствуешь, как сильна твоя связь с другими. Просто я добровольно выбрала одиночество. Несчастьем является вынужденное одиночество: когда мы чувствуем себя чужими в толпе, когда мы ненавидим или нас ненавидят. Но у меня завидная судьба — мне всегда было кого любить...

Перевела с польского Т. КАЗАВЧИНСКАЯ

[1] *«Польская яхта «Комодор», гонка на одиночках, меня зовут...»* (англ.).

[2] *Смелая, превосходная девчонка* (англ.).

[1] *Удачи, Тереса! — Удачи, ребята!* (англ.).

На первой странице обложки: на этом плакате ангольский художник выразил главное, чем живет сегодня его страна, — решимость ее народа построить общество, где каждому открыты пути к труду, знаниям, творчеству. «Да здравствует МПЛА — Партия труда!» — таков лозунг свободной Анголы.

Главный редактор А. А. НОДИЯ

Редакционная коллегия: В. Л. АРТЕМОВ, С. М. ГОЛЯКОВ, И. В. ГОРЕЛОВ (зам. главного редактора), О. А. ГОРЧАКОВ, Ю. А. ГОРЯЧЕВ, В. В. ГРИГОРЬЕВ, М. А. ДРОБЫШЕВ, В. П. МОШНЯГА, Д. М. ПРОШУНИНА (ответственный секретарь), Б. А. СЕНЬКИН.

Художественный редактор О. С. Александрова
Оформление М. М. Ракитнина
Технический редактор В. Н. Савельева

Адрес редакции: Москва, 103104, Спиридоньевский пер., 5. Телефон 290-36-55. Рукописи не возвращаются.
Перепечатка материалов разрешается только со ссылкой на журнал.

Сдано в набор 15/III 1978 г. Подп. к печ. 3/V 1978 г. А05623. Формат 60×90⅛. Печ. л. 3 (усл. 3). Уч.-изд. л. 5,7. Тираж 470 000 экз. Цена 25 коп. Заказ 413.

Типография ордена Трудового Красного Знамени издательства ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия». Адрес издательства и типографии: 103030, Москва, К-30, ГСП-4, Сущевская ул., 21.

1. Don - - de es - - tan los
bra- vos com-pa-ña-ros don-de es-tan ca-
i-dos en maz-mo-rras se-pul-ta-dos tor-tu-
-ra-dos en las ga-rras de trai-do-res
don - - de es - - tan la
ma-no del ver-du-go es-tan la som-bra gol-
pea y ma-ta al pue-blo os-cu-ra-men - - te la
vi-da de los he-ro-es de Chi-le se es-
cri-be en el pe-li-gro clan-des-ti - - no a-ler-
ta que vie-nen los cuer-vos de muer-te!

1v. Da capo
don - - de es - - tan

2v.
a-ler-ta que vie-nen los cuer-
don - - de es tan
-vos de muer-te a-ler-ta!
don - - - de es tan.

Песня, которую мы публикуем, — продолжение материала, помещенного на странице 17 этого номера журнала. Песня «Где они!» чилийского поэта и композитора Эдуардо Карраско — продолжение разговора об исчезнувших без вести в Чили. Эту песню с просьбой напечатать принесли в редакцию участники чилийского ансамбля «Лаутаро». Они живут сейчас в СССР, учатся в советских вузах. Вы видите их на фотографии — они пели у нас в редакции. (Вообще-то их семеро, но трое сдавали в тот день экзамены.)

Те, о ком поется в песне: Виктор Диас — член руководства Компартии Чили. Пропал без вести.

Изекииль Понсе — член руководства Социалистической партии Чили. Пропал без вести.

Баутисто Ван Шовен — деятель левого революционного движения (МИР). Пропал без вести.

ГДЕ ОНИ?

Стихи и музыка Эдуардо Карраско
Русский текст А. Хвостова

Не будет слез по Виктору Диасу,
А будут лететь на рассвете птицы,
И на широких улицах вырастет лес
Воздетых кулаков и знамен. } Речитатив

1. Где они, отважные товарищи, где они?
Куда вы их спрятали, палачи?
Исчезли братья во мраке черной ночи. Где они?
Палач всегда удар наносит в спину —
Трусливы те, кто у других свободу отнимает.
И в страшную для родины годину
Они моих товарищей пытают.
Будьте бдительны! Помните о тех, кого нет с нами!
Где они?

Не будет слез по Изекиилю Понсе,
Лишь крепче сомкнутся плечи,
И новый ветер будет шевелить
Колосья родины. } Речитатив

2. Где они, отважные товарищи, где они?
Кто наше знамя в боях пронес
И знал испытаний суровые дни? Где они?
Гиены-палачи ждут нашей смерти,
Народной кровью жажду утоляют,
Но на дорогах, кровью напоенных,
Уже кинжалы мести прорастают.
Боритесь, братья! Помните о тех, кого нет с нами!
Где они?

Не будет слез по Баутисто Ван Шовену,
А расцветут белые розы,
И на улицах вновь
Будут улыбаться женщины. } Речитатив

3. Где они, отважные товарищи, где они?
Восстанут братья из тлена могил,
Но час этот светлый пока не пробил. Где они?
Над родиной гроза и ужас страшных пыток,
Всех командиров в тюрьмы заточили.
Свободу храбрецам и патриотам!
Откройте лагеря и тюрьмы в Чили!
Боритесь, братья! Помните о тех, кого нет с нами!
Где они? } 3 раза

No seran lagrimas por Victor Diaz,
Sera un vuelo de pajaros al alba,
Anchas calles de punos y banderas,
Algarabia de punos y gitarras. } Речитатив

1-й куплет расписан на нотах.

No seran lagrimas por Exequiel Ponce,
Sera la confraternidad del pueblo herido
Un nuevo viento, una luz nueva
Sobre las espigas de la patria. } Речитатив

2. Donde estan? Los bravos companeros, donde estan?
Endurecidos a golpes y a suplicios
Levantando la bandera y la palabra. Donde estan?
El hambre de odio y muerte de estas hienas
Se sacia con los martires del pueblo.
Su sangre en el camino del futuro
Sera punal el dia justiciero.
Alerta que vienen los cuervos de muerte!
Donde estan?
No seran lagrimas por Bautista Van Shoween,
Sera una rosa clara, un grito de combate
Y entre las multitudes, de nuevo
La sonrisa de la mujer obrera.

3. Donde estan? Los bravos companeros, donde estan?
De pie estaran aun, el puno en alto
Gritando los caminos venideros. Donde estan?
La sombra del sepulcro y la tortura
Se cierne sobre nuestros capitanes,
Libertad para el patriota y el valiente
Que se abran las carceles ocultas.
Alerta que vienen los cuervos de muerte!
Donde estan? } 3 раза

Индекс 70781
Цена 25 коп.